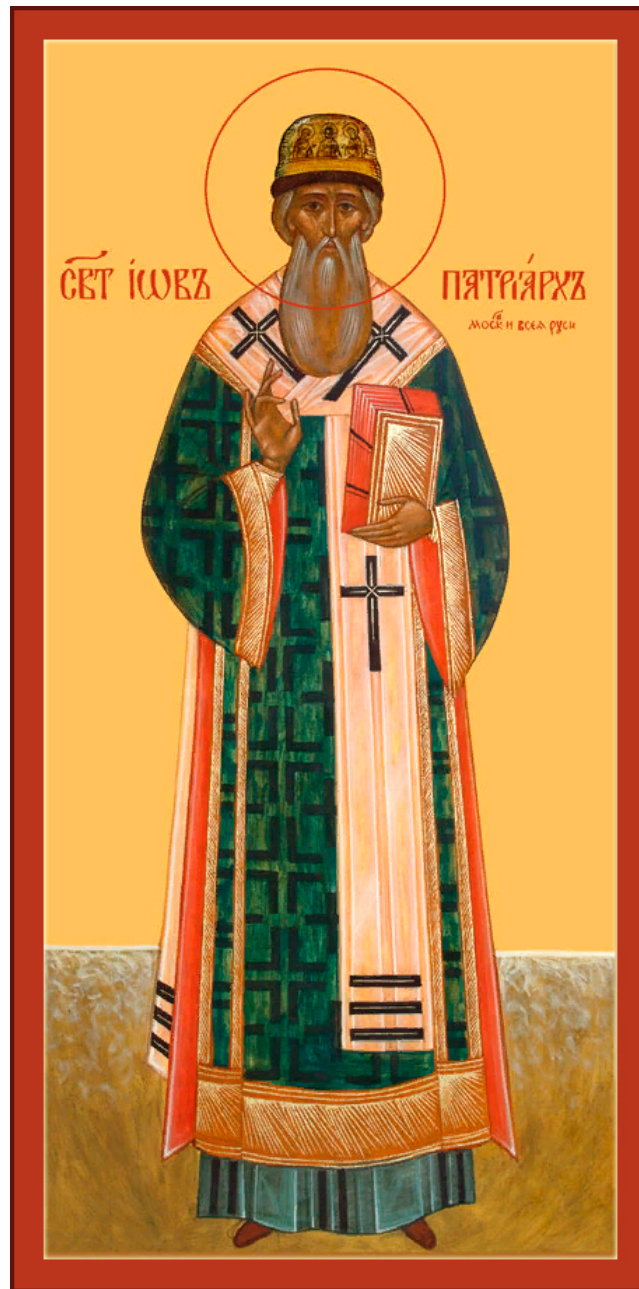


ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ИОВА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

Дни памяти:

5 июня, 2 июля, 18 апреля, 18 октября

16 июля (переходящая)



Первый российский патриарх, святитель Иов Московский (в миру Иоанн) родился во второй четверти XVI века в древнем русском городе

Старице в семье благочестивых горожан. В детстве Иоанн обучался грамоте у настоятеля Успенского Старицкого монастыря архимандрита Германа. Отрок любил читать Священное Писание и знал некоторые тексты Библии наизусть. Монастырское воспитание возбудило в нем желание служить Богу в иноческом образе. По окончании обучения (около 1553 года) отец захотел его женить. В день венчания юноша отпросился у родителей в обитель для беседы с духовным старцем. Придя к архимандриту Герману, он упросил старца постричь его в монашество.

Более пятнадцати лет провел святой Иов в Старицкой обители, пройдя путь от послушника старца Германа до настоятеля. Под руководством опытного духовника молодой инок воспитал в себе бескорыстие и нестяжательность, послушание и воздержание, научился сердечной молитве и строгому посту. Святой Иов отличался глубоким смирением, кротостью и милосердием. Он никогда никого не обличал и не оскорблял, всех миловал и прощал, а будучи настоятелем, не столько словом, сколько самой жизнью воодушевлял братию к духовному деланию.

В 1571 году святой Иов был назначен настоятелем Симонова монастыря в Москве. С усердием исполняя возложенное на него послушание, святой Иов как настоятель одного из важнейших монастырей того времени принимал участие в делах Церкви, а нередко и государства. С 1575 года в течение шести лет святой возглавлял Новоспасский монастырь. 16 апреля 1581 года митрополитом Московским Дионисием в сослужении других русских архиереев архимандрит Иов был рукоположен во епископа Коломенского. 9 января 1586 года святитель был перемещен на древнюю Ростовскую кафедру с возведением в сан архиепископа, а 11 декабря 1587 года собором епископов поставлен первосвятителем Русской Церкви – митрополитом Московским и всея России. 26 января 1589 года, по благословению и при личном участии Константинопольского патриарха Иеремии II, митрополит Иов в Успенском соборе Московского Кремля был поставлен патриархом Московским и всея России. Весь народ с радостью воспринял это знаменательное событие в истории Русской Церкви и государства. В 1590 году на Соборе восточных иерархов была утверждена и каноническая самостоятельность Русской Церкви. Русскому патриарху было определено пятое место в диптихе патриархов – после Иерусалимского.

Святитель Иов был ревностным служителем Церкви и мудрым пастырем. Святитель с усердием благоустроивал церковную жизнь, заботился о нравственном состоянии клириков, поддержании благочиния в храмах. Немалые его труды были направлены на духовное развитие народа, распространение Священного Писания и святоотеческих книг. Особенно важным было начатое святителем печатание богослужебных книг, которых повсеместно не хватало, а особенно в новопросвещенных

землях Поволжья и Сибири. По благословию святителя Иова впервые были изданы: Триодь Постная (1589), Триодь Цветная (1591), Октоих (1594), Минея Общая (1600), Чиновник архиерейского служения (1600) и Служебник (1602). Патриарх Иов первым поставил дело книгопечатания на широкую основу.

При святителе Иове были прославлены многие русские святые: Василий Блаженный, преподобный [Иосиф Волоцкий](#) (святитель сам написал ему канон и «исправил службу»), святители Казанские Гурий и Варсонофий, благоверный князь Роман Угличский, преподобные Антоний Римлянин и Корнилий Комельский, блаженный Иоанн Московский, преподобные Игнатий Вологодский и Мартирий Зеленецкий.

Свои личные средства и богатые царские подарки святитель Иов употреблял на дела милосердия и строительство храмов. Только в Москве в период с 1592 по 1600 год были построены двенадцать храмов, основаны Донской, Зачатьевский и Ивановский монастыри. Строились храмы и монастыри в Сибири и других епархиях. При святителе Иове проводилась активная миссионерская деятельность в отдаленных районах государства, были вновь учреждены Псковская, Астраханская и Карельская епархии. Семена православия, посеянные патриархом Иовом, принесли в дальнейшем свои духовные плоды, благодаря которым сохранились и упрочились северные и южные пределы Русского государства.

В трудные времена государственной смуты начала XVII века святитель Иов сохранил истинное христианское терпение, бесстрашие и мужество. Он всеми силами пытался пресечь действия Лжедмитрия. Однако не все поддержали святителя, поэтому через некоторое время Лжедмитрий захватил Москву. Первосвятитель и молитвенник за весь русский народ, святой Иов бесстрашно обличал разрушителей государственного порядка, внесших нестроения и в Церковь Божию. Большую часть времени он проводил в молитве в Успенском соборе. Однажды во время Божественной литургии сторонники Лжедмитрия схватили святителя, бесчестили, били, а затем отвезли в заточение в Успенский Старицкий монастырь, где он начинал когда-то свой иноческий подвиг. Святой Иов два года прожил в обители. Ослабленный и утративший зрение, он все время проводил в молитве. После свержения Лжедмитрия святитель Иов не мог из-за немощи возвратиться на первосвятительский престол и на свое место благословил митрополита Казанского [Ермогена](#).

Святитель Иов мирно скончался 19 июня 1607 года и был погребен у западных дверей Успенского собора Старицкого монастыря. Впоследствии над могилой святителя была устроена часовня. В 1652 году при патриархе Иосифе (1642–1652) нетленные и благоуханные мощи святителя Иова были перенесены в Москву и положены около гробницы

патриарха Иоасафа (1634–1640). От мощей святителя Иова происходили исцеления.

Почитание патриарха Иова в лике святых отмечается в различных дореволюционных рукописях и агиографических изданиях. Во второй половине XVIII века между настенными изображениями собора Новоспасского монастыря было изображение Патриарха Иова.

В конце XIX века при архиепископе Тверском Димитрии (Самбикине) день кончины патриарха Иова воспоинался во всех городских храмах Тверской епархии. Тогда же по благословению архиепископа Димитрия была написана икона Тверских святых, на которой был изображен святейший патриарх Иов. Завершение канонического и литургического оформления почитания памяти святителя Иова произошло в наши дни. Сначала по благословению святейшего патриарха Пимена и Священного Синода имя святителя Иова было включено в Собор Тверских святых (1979), а на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года было установлено общецерковное почитание святого.

Тропарь святителю Иову, патриарху Московскому и всея Руси, глас 5
Правосла́вия побóрниче,/ véры Христо́вы испове́днице,/ первоиера́рше Це́ркве
Ру́сская,/ святи́телю о́тче Йо́ве,/ за ны Христа́ Бо́га моли́,/ véру оте́ческую
утверди́ти,/ грехо́в оставле́ние нам дарова́ти// и пода́ти ми́ру véлию ми́лость.

А.П. Богданов

Русские патриархи 1589–1700 гг.

Том 1. Учреждение патриаршества и патриарх Иов

Рождение идеи

Историческая необходимость учреждения в России патриаршества должна была реализоваться в конкретных событиях, имеющих свое объяснение. Вернее, целый ряд обстоятельств должен был прийти в определенное сочетание, чтобы во Вселенской православной церкви возникла пятая по счету и первая по значению патриаршая кафедра. Вникнув в эти обстоятельства, мы, возможно, обнаружим и тайные пружины исторического действия.

Немало времени прошло после венчания великого князя московского царским венцом, десятилетие сменялось новым десятилетием, но Русская православная церковь продолжала безропотно удовлетворяться тем, что во главе ее стоял митрополит – номинально один из великого множества митрополитов, над которыми высились фигуры четырех патриархов: Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского, – живших во владениях Османской империи.

Восточная политика Ивана Грозного сменилась западной, война с Великим княжеством Литовским, а затем и с объединенным Польско–Литовским государством (Речью Посполитой) обостряла борьбу православия и католичества на обширнейших спорных территориях – и иезуиты оправдывали свою миссию передового отряда папской идеи тем, что глава Русской православной церкви зависим от раба султана – Константинопольского патриарха. Еще труднее приходилось православному духовенству на территориях Речи Посполитой – Украины, Белоруссии, отчасти Литвы – ведь киевский митрополит не только номинально, но и фактически подчинялся Константинополю! Однако годы шли, а в православии ничего не менялось.

Легко предположить что Ивану Грозному, ввергшему страну в Великое разорение, страшившемуся и периодически вырезавшему даже ближайших сторонников, была глубоко чужда мысль об укреплении авторитета московского первосвященника (он менял и изводил московских митрополитов примерно так же, как и своих жен). Но вот Грозный царь умер.

31 мая 1584 г. на московский престол был венчан Федор Иоаннович. Константинопольскому патриарху на помин души усопшего царя было отправлено 1000 рублей милостыни. Богатые дары

были посланы и главам других православных церквей, греческих и славянских, по старшинству: Иерусалимскому патриарху – 900 рублей поминальных и 82 рубля за здоровье нового царя и царицы и т. д. Московское правительство не забыло своей милостыней и знаменитые православные монастыри – но его посланники нигде ни словом, ни намеком не обмолвились о желании устроить в Москве патриарший престол. Все шло как прежде.

И вдруг в 1586 г. оказалось, что мысль об учреждении в России патриаршества чрезвычайно занимает московские власти, светские и церковные, начиная с царя Федора Иоанновича и митрополита Дионисия. Крупнейшие светские и церковные историки (включая [С. М. Соловьева](#), митрополита Московского и Коломенского Макария, профессора Московской духовной академии [Н. Ф. Каптерева](#)) описывают эти события единодушно, не вдаваясь, впрочем, в их подоплеку и смешивая в своих рассказах два совершенно разных источника: статейный список Посольского приказа, документально фиксировавший происходившее в 1586 г.¹, и историко-публицистическое сказание, составленное уже после учреждения в России патриаршества, в условиях безраздельного правления Бориса Годунова².

Статьейный список повествует, что антиохийский патриарх Иоаким, прошествовав через Галицию и устроив там церковное братство, появился на западном рубеже России, в Смоленске, и обратился к государю Федору Иоанновичу с просьбой о разрешении посетить Москву. Это был первый патриарх, посещающий Россию, хотя после падения Константинополя сюда во множестве приезжали за милостыней восточные митрополиты, архиепископы и иные духовные лица. Неудивительно, что московское правительство назначило Иоакиму целых три почетных встречи: в Можайске, в селе Мамонове под Москвой и на Драгомилове при въезде в столицу.

Патриарха и его свиту поселили (как увидим, не случайно) в обширном доме боярина Ф. В. Шереметева на Никольском перекрестке и изобильно снабдили всем необходимым. Что особенно приметно, патриарх очень быстро получил аудиенцию у государя. 17 июня Иоаким въехал в Москву, а 25-го всесильный посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов уже ждал на крыльце царских палат митрополичьи сани, доставившие патриарха в Кремль.

Торжественно встреченный придворными Иоаким был проведен в Золотую палату и предстал перед троном московского государя, окруженного блестящей свитой бояр и окольничих. Федор Иоаннович в полном царском облачении сошел с трона навстречу гостю на целую сажень³, принял от него благословение и спросил о здоровье, затем взял

верительную грамоту от имени Константинопольского патриарха Феолипта (которой Иоаким предусмотрительно запасся) и дары – частицы святых мощей. Наконец, Федор Иоаннович пригласил гостя на обед, но прежде послал его в Успенский собор, где собирался служить литургию Дионисий, митрополит Московский и всея Руси.

Патриарх прошествовал в собор через южные двери, встреченный митрополичьим боярином, дворецким и ключарем. Сам митрополит недвижимо стоял посреди собора на своем специально устроенном месте, окруженный пышной свитой российского духовенства в расшитых жемчугом ризах.

Контраст между роскошными одежаниями россиян и облачениями оскудевших греков был разителен. Когда Иоаким приложился к иконам и направился к митрополичьему месту, Дионисий вышел навстречу ему на одну сажень – не более, чем государь, – и первым (!) благословил патриарха. Иоаким было «поговорил слегка, что пригоже было митрополиту от него благословение принять наперед, да и перестал о том», сломленный очевидным неравенством богатства и могущества московского первосвятителя и восточного искателя милостыни. Уже безропотно Антиохийский патриарх занял отведенное ему почетное место в соборе по правую сторону, у заднего столпа, и простоял там всю литургию, которую служил митрополит Дионисий.

Демонстрация российского духовенства толкуется всеми историками в том смысле, что Дионисий и его приближенные (то ли по своей воле, как считает [С. М. Соловьев](#), то ли «по соизволению государя и его советников», как думает Макарий) решили подчеркнуть несообразность действительного и номинального значений Московского митрополита и восточных патриархов. В свою очередь, у царя Федора Иоанновича незамедлительно возникла мысль учредить патриаршество московское: «помысля» об этом со своей супругой царицей Ириной, посоветовавшись с боярами, государь дал соответствующее поручение патриарху Иоакиму.

Исследователи оставили без внимания тот факт, что о демонстрации митрополита Дионисия и предложении царя Федора рассказывают разные источники. Статейный список, зафиксировавший казус в Успенском соборе, ни словом не упоминает о стремлении светских властей иметь в Москве патриарха. В документе лишь отмечено, что 1 июля Иоаким испросил у государя разрешение посетить Чудов монастырь в Кремле (резиденцию митрополита) и Троице–Сергиев монастырь; 4 и 8 июля патриарх был с честью принят в каждом и получил подарки от монастырских властей.

17 июля Иоаким удостоился прощальной аудиенции у Федора Иоанновича, принял богатые дары и 11 августа выехал из Москвы в

Чернигов, а оттуда за границу. Вместе с ним была отправлена щедрая милостыня и другим патриархам. Сопровождавший этот груз подьячий Михаил Огарков имел с собой грамоты к Константинопольскому патриарху Феолипту и Александрийскому Сильвестру, тексты которых приведены в статейном списке; в них также ничего не говорится об идее учреждения Московской патриархии.

Со временем мы разрешим эту загадку, а пока обратимся к историко–публицистическому сказанию, не упоминая о митрополите Дионисии, зато красочно описывающему «помысел» царя Федора Иоанновича. Это весьма серьезное официозное сочинение, автор которого пользовался документами Посольского приказа (в частности, статейными списками) и, что особенно важно, поддержкой властей (если не прямыми указаниями Годунова). Вполне возможно и даже вероятно, что сказание восходит к канцелярии первого русского патриарха Иова, ибо автор приводит сведения и характеристики, недоступные и недопустимые для простого смертного. Согласно сказанию, царь Федор Иоаннович поведал Боярской думе пришедший ему в голову и уже обсужденный с царицей Ириной замысел устроить в Москве патриарший престол. Ложная деликатность не позволила историкам усомниться в том, что хорошо разработанный замысел принадлежал слабоумному монарху, и задаться вопросом о его истинном авторе. Впрочем, упоминание о совете с Ириной Федоровной, всегда (а в тот момент в особенности) склонной следовать указаниям своего брата Бориса Годунова, отвечает на этот вопрос достаточно ясно. Вполне возможно, что от Федора Иоанновича требовалось только согласие с основной мыслью, а доклад от его лица в Боярской думе делало доверенное лицо: такое случалось настолько часто, что вошло в традицию. Это тем более вероятно, что «царская речь» была замечательно красноречива, что в высшей мере отличало Годунова и было совершенно не свойственно его зятю. Конечно, риторические красоты могли быть привнесены автором сказания, но логика речи, как увидим, соответствует действительным обстоятельствам. К счастью, мы можем не только предполагать, что автором замысла был Борис Годунов, но и доказать это.

Что же услышали церковные иерархи, бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки на заседании Думы в конце июня – начале июля 1586 г.? Что первоначально митрополиты Киевские, Владимирские, Московские и всея Руси поставлялись «от патриархов Царяградских и Вселенских. Потом... начали поставляться особо митрополиты в Московском государстве, по приговору и по избранию прародителей наших и всего освященного собора, от архиепископов и епископов Российского царства, даже и до нашего царствия .

То есть изменения на протяжении столетий происходили в пользу самостоятельности Русской православной церкви. Восточные патриархии между тем приходили в запустение. К настоящему времени «по воле Божией, в наказание наше, восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатию Божиею, во многорасширение приходит».

«Ныне, – продолжал оратор, – по великой и неизреченной своей милости, [Бог](#) даровал нам видеть пришествие к себе великого патриарха Антиохийского: и мы возсылаем за сие славу Господу. А нам бы испросить еще у Него милости, дабы устроил в нашем государстве Московском российского патриарха, и посоветовать бы о том с святейшим патриархом Иоакимом, и приказать бы с ним о благословении патриаршества Московского ко всем патриархам .

Отметим, что, заботясь о «преуспевании вере Христовой», оратор отнюдь не предполагал просить Иоакима немедля благословить патриарха Московского. Конюший боярин Борис Федорович Годунов, тотчас посланный на подворье Антиохийского патриарха и, как отмечено в сказании, слово в слово передавший ему «царскую речь», ни в коем случае не торопил Иоакима.

«Ты бы о том посоветовал с святейшим Вселенским патриархом (Константинопольским. – А. Б.), а пресвятейший бы патриарх посоветовал о таком великом деле со всеми вами, патриархи... и со архиепископы, и епископы, и со архимандриты, и со игумены, и со всем освященным собором; да и во Святую бы гору (на Афон. – А. Б.) и в Синайскую о том обослался, чтобы дал [Бог](#), такое великое дело в нашем Российском государстве устроилось, – а помысля бы о том, нам объявили, как тому делу пригоже состояться».

Как повествует сказание, патриарх Иоаким придерживался точно такой же позиции: что в Москве «пригоже» быть патриарху, однако столь великого дела невозможно совершить без совещания с другими патриархами и властями восточной церкви. Гость обещал, что вскоре организует такие совещания.

С этим ответом Борис Годунов вернулся к государю, который получил от Боярской думы полное одобрение «своего» замысла – с единственной оговоркой: устраивать в Москве патриарший престол следует с согласия всей восточной церкви, «да не скажут пишущие на святую нашу веру латыны и прочие еретики, что в Москве патриарший престол устроился одною царскою властью».

«Все это происходило, – пишет знаменитый историк церкви митрополит Макарий, – во дни митрополита Дионисия, когда Иов был только архиепископом Ростовским; следовательно, совершенно

произвольно известное мнение, будто собственно Борис Годунов задумал учредить патриаршество в России, чтобы возвесть в этот сан своего любимца, митрополита Иова, и тем еще более привлечь его к себе для своих честолюбивых целей».

Но какую роль играл в описанных событиях митрополит Дионисий? Согласно статейному списку, он занял по отношению к прибывшему в Москву патриарху Иоакиму жестко–конфликтную позицию. Он отказался от приема гостя, даже когда того принял царь Федор Иоаннович. Попытка свести двух иерархов в Успенском соборе, где Дионисий должен был служить литургию, привела к жестокому унижению Иоакима. Даже Чудов монастырь патриарх посетил с разрешения государя, а не по приглашению митрополита, демонстративно уклонившегося от встречи Иоакима в своей монастырской резиденции!

С. М. Соловьев утверждает, что «именно прибытие патриарха Иоакима в Москву и это (в Успенском соборе. – А. Б.) столкновение его с митрополитом Дионисием... побудили к решительному шагу» царя Федора Иоанновича. Возможно, это и так. Но если речь шла, как считает выдающийся историк, о демонстрации «несообразности отношений московского митрополита к патриархам», то русские светские и духовные власти, движимые одним «побуждением», должны были бы действовать заодно.

Между тем, согласно обоим нашим источникам, митрополит Дионисий не принимает никакого участия в решении вопроса об учреждении Московской патриархии. Согласно сказанию, царь советуется в таком важном вопросе не с митрополитом, а с супругой, замысел обсуждается боярами в отсутствие Дионисия и не духовные лица, а Борис Годунов ведут переговоры с Иоакимом. При этом все участники обсуждения настойчиво подчеркивают необходимость перенести окончательное решение вопроса на будущее, когда устройство патриаршего престола в Москве получит одобрение православного Востока.

Через два года, когда Дионисия уже не будет на митрополии, об этой необходимости (по крайней мере в официальных кругах) никто и не вспомнит! Первого патриарха Московского и всея Руси благословит один–единственный оказавшийся под рукой восточный патриарх. А в 1586 г. события идут мимо Дионисия и явно не в его пользу, да и сам митрополит Московский отнюдь не проявляет стремления получить благословение от заезжего грека, с которым ведет переговоры лично Борис Федорович Годунов.

Дворцовая смута

Именно в это время происходит ожесточенная борьба за власть, замечательно отраженная А. К. Толстым в драме «Царь Федор Иоаннович». Противостоящий Годуновым могущественный клан князей Шуйских при поддержке митрополита Дионисия и епископа Крутицкого Варлаама, а также верхов московского посада обращается к царю Федору Иоанновичу с челобитьем о разводе с бездетной царицей Ириной и новом браке «чадородия ради».

Речь идет о продолжении династии Рюриковичей, но вместе с тем и о власти Бориса Годунова во дворце. Прецедент был: еще живы были свидетели развода великого князя Василия III с бездетной Соломонией Сабуровой, состоявшей в родстве с Годуновыми. Разумеется, хитроумный потомок ордынского мурзы, выросший при дворе кровожадного и подозрительного царя, бывший опричник Годунов основывал свое влияние не только на власти сестры Ирины над слабовольным и слабоумным царем Федором Иоанновичем.

Царский шурина уже успел присвоить себе ликвидированное некогда Грозным звание конюшего боярина – старшего в Думе. Из 13 человек, пожалованных новым царем в бояре, 8 принадлежали к годуновской группировке. Бориса отличали невероятная изворотливость человека, сумевшего выжить среди резни и пробиться наверх, оставаясь в тени, а также умение находить неожиданных союзников. Но и аристократы Шуйские имели мощную позицию в Думе, а главное – могли использовать глубочайшую ненависть народа к наследии опричнины.

После того как 23 апреля 1586 г. скончался наиболее влиятельный в правительстве и популярный в народе земский боярин Никита Романович Юрьев, смертельная схватка между Годуновыми и Шуйскими стала неизбежной. Нанося удар по царице Ирине Федоровне, бояре, митрополит и их союзники были готовы на все, чтобы одновременно уничтожить царского шурина и его родственников. Борис Годунов понимал, что его противники не остановятся на изгнании из дворца Ирины. В жизни зятя Малюты Скуратова женщины играли слишком большую роль, чтобы он мог недооценить их поддержку и поступиться сестрой.

Дворцовые покои сохранили в тайне обстоятельства того, как Годунов с сестрой и сторонниками отражали натиск Шуйских и Дионисия с их духовными и светскими союзниками на царя Федора Иоанновича. Известно, что острый конфликт возник в начале мая. Но уже около 14 мая борьба выплеснулась на московские улицы. Горожане во главе с богатейшими купцами – гостями – буквально осадили

Кремль, требуя развода государя с женой. Исход этого народного возмущения хорошо известен.

Бояре, возможно не без участия митрополита Дионисия, неожиданно помирились. Герой псковской обороны Иван Петрович Шуйский сам вышел в Грановитую палату, где ожидали ответа на свое челобитье «торговые многие люди», объявил об отсутствии гнева на Годунова и предложил народу разойтись. Тогда, по словам «Нового летописца», двое из купцов с горечью заявили: «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погинуть».

Скоро исполнилось это мрачное пророчество. Уже ночью купцы были схвачены. После страшных пыток семеро гостей были казнены в Москве «на Пожаре», многие горожане отправлены в тюрьмы и ссылки. Опричного опыта у Годунова и его подручных хватало! В довершение драматического эффекта позже – но далеко не сразу – «пропали» Иван Петрович Шуйский и его сторонники «в верхах». Но эффектность этой исторической сцены, замечательно использованная А. К. Толстым, не мешает нам поинтересоваться причинами столь странного развития событий.

Почему возмущенный народ безропотно оставил осаду Кремля и разошелся по домам, в которые уже ночью ворвались каратели? О чем договорились Шуйские с Годуновыми, какое соглашение благословил митрополит Дионисий, если все они не могли не понимать неизбежность окончательного расчета? Существует мнение, что бояре испугались размаха народного движения, перед лицом которого забыли свои распри. То есть Шуйские и их сторонники испугались движения, которое сами вызвали, которое, судя по поведению москвичей, находилось под их контролем, и сдали свои позиции, ничего не получив от Годунова взамен?

Так на чем же могло быть основано «примирение» во дворце в мае 1586 г.? Многочисленные источники упоминают о двух требованиях Шуйских, митрополита Дионисия, «вельмож царевой палаты, и гостей московских, и всех купецких людей»: царь Федор Иоаннович должен был развестись с царицей Ириной и убрать Годуновых. Очевидно, что-то было обещано недовольным, если представители «верхов» пошли на перемирие, а народ разошелся по домам. Весь опыт народных движений свидетельствует, что, если граждане столицы не терпели военного поражения, они всегда добивались незамедлительного наказания вызвавших их недовольство временщиков. Борис же Годунов, все его родственники и сторонники остались на своих местах. Иное дело, если обещан был развод с царицею, – это дело небыстрое, интимное...

Предположив, что Борис Годунов что-то пообещал – вероятнее всего не препятствовать новой женитьбе государя «царского ради чадородия», – посмотрим, как развивались события. С июня Борис Федорович стал неразлучен с представителями сильной и сплоченной романовской группы земских бояр: сыновей и родичей умершего Никиты Романовича Юрьева; на царских приемах он всегда появляется в их сопровождении. Попробуй упрекни его в симпатии к бывшим опричникам! Солидно укрепив свои позиции в Боярской думе, Борис Федорович не забыл и [Церковь](#).

Приезд в Россию патриарха Иоакима был для Годунова подарком. Как бы ни вел себя митрополит Дионисий, светские власти чествовали Иоакима как высшего церковного иерарха. Нет нужды, что патриарх Антиохийский прибыл за милостыней (а учитывая активность агентов Годунова за границей, возможно, был приглашен)⁴. Важно, что его номинальный авторитет был выше, чем у нижестоящего по церковно–иерархической лестнице митрополита.

В этой связи следует вспомнить сообщение шведского агента в России Петра Петрея, что, когда «московские власти и простой народ приняли намерение отправить в монастырь великую княгиню» и даже выбрали на ее место определенную девицу (родственницу одного из знатнейших бояр, Ф. И. Мстиславского), Борис Годунов уговорил «патриарха» – и тот не разрешил царю Федору Иоанновичу развод⁵. Кого имел в виду Петрей, говоря о «патриархе»? Если митрополита Дионисия, то, по справедливому замечанию выдающегося советского историка А. А. Зимина, «позиция митрополита, очевидно, изложена неверно», хотя «основа рассказа весьма правдоподобна». Если же речь идет о патриархе Иоакиме, то внимание царя Федора Иоанновича и Бориса Годунова к его личности получает весьма убедительное объяснение.

В любом случае приезд патриарха помогал поставить Дионисия «на место». Поскольку митрополит Московский уклонялся от прямой встречи с Антиохийским патриархом, Иоакима послали в Успенский собор прямо с царской аудиенции. Вышел, как мы помним, конфуз: пользуясь распространенными в русском обществе еще со времен падения Константинополя представлениями, что «греки» потеряли истинное благочестие, тогда как русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире, Дионисий публично выразил свое пренебрежение к патриарху и превосходство первосвященника Московского. Следующий ход светских властей был достоин Годунова. Предложение об учреждении в Москве патриархии ясно и определенно свидетельствовало, что именно с саном патриарха связан высший авторитет в Православной церкви. Неудивительно, что именно царица

Ирина Федоровна принимает участие в замысле основать в Москве патриарший престол, что привязанный к ней царь Федор Иоаннович поддерживает «помысел», а Борис Годунов энергично проводит переговоры с Иоакимом.

В этом отношении историко–публицистическое сказание вполне достоверно. После поставления Московским патриархом Иова, когда это сочинение создавалось, не было никакой необходимости придумывать события 1586 г., зато можно было описать их с должной похвалой царю Федору Иоанновичу, отметив благочестивые роли царицы Ирины и Бориса Годунова. Несколько неосторожной выглядит звучащая рефреном мысль о необходимости получить благословение всех властей православного Востока – однако, учитывая, что Иов в конце концов такое благословение получил, здесь трудно найти крамолу.

А в 1586 г. требовать немедленного поставления Московского патриарха было неразумно – ведь митрополитом был Дионисий. Годунов не пошел даже на то, чтобы официально обратиться к восточным патриархам, поэтому упоминания о желании иметь в Москве патриарха и нет в статейном списке. Посольский приказ контролировался после смерти Грозного могущественным административным дельцом А. Я. Щелкаловым – земским дьяком, который вместе с Н. Р. Юрьевым в 1584 г. «считали себя царями», ибо «по смерти царя захватили главное управление».

Годунов имел основания предполагать, что принадлежавший к земщине, но немало лет подряд обдeldывавший грязные делишки Ивана Грозного дьяк со временем станет его союзником. «Человек необыкновенно пронырливый, умный и злой», «отъявленный негодяй... тонкая и двуличная лиса... хитрейший скиф, который когда–либо жил на свете», – как отзывались о Щелка–лове иноземцы, со временем стал верным псом Бориса Годунова (и, разумеется, предал своего покровителя). Но зять Малюты пока еще не имел оснований петь дьяку дифирамбы типа: «Я не слыхал о таком человеке, я полагаю, что весь мир был бы для него мал. Этому человеку было бы прилично служить Александру Македонскому!»

Любимчики Грозного царя – опричник Годунов и земец Щелкалов – были еще противниками. В начале июля 1586 г., в разгар переговоров с Антиохийским патриархом, Борис Федорович даже получил в пожалование обширную и доходную волость Вага, управлявшуюся до того Щелкаловым. Неудивительно, что в статейном списке Посольского приказа со всеми подробностями было описано унижение креатуры Годунова в Успенском соборе!

Борис Годунов не ошибся, предпочтя действовать на православном Востоке через патриарха Иоакима, с которым установил взаимовыгодные отношения, а не через Посольский приказ. К тому же следовало учитывать, что широко объявленное в ходе борьбы с митрополитом Дионисием желание учредить в Москве патриаршество не могло быть реализовано прежде, чем удастся избавиться от самого Дионисия. Слишком скорый положительный ответ с Востока мог бы поставить Бориса и Ирину Федоровну в весьма щекотливое положение. Иоаким, по-видимому, точно выполнил инструкции Годунова. Ровно через год изумленный Щелкалов услышал на допросе в Посольском приказе буквально следующие слова прибывшего из-за границы через Чернигов грека Николая:

«Отпустили его из Царяграда патриархи Цареградский и Антиохийский, а с ним послали к государю грамоты об нем, бить челом государю о милостыне. Да наказали с ним словом патриархи Цареградский и Антиохийский: что приказывал им государь, чтоб патриарха учинить на Руси – и они, Цареградский и Антиохийский патриархи, соборовав, послали по Иерусалимскаго и по Александрийскаго патриархов, и велели им быть в Царьград, и о том деле соборовать хотят, что государь приказывал, и с собора хотят послать (в Москву. – А. Б.) патриарха Иерусалимскаго и с ним о том наказав, как соборовать и учинить патриарха».

К этому времени А. Я. Щелкалов был уже не опасен Борису Годунову, одержавшему решительную победу в борьбе за власть. Осенью 1586 г. были сведены со своих престолов митрополит Дионисий и епископ Варлаам; их сторонники среди духовенства также не избежали опалы. Московским митрополитом стал Иона, которого вскоре (в последних числах года) сменил близкий к Годунову Иов.

Опалы на бояр начались с Ф. В. Шереметева, владения которого были конфискованы. Не случайно приехавшего в Москву Иоакима поместили в бывшем доме Шереметева, определенно показывая, чьей козырной картой был Антиохийский патриарх! Один за другим были обвинены и сосланы Шуйские. Годунов не спешил с окончательным расчетом, но, казалось, помнил предсказание казненного им купца. 16 ноября 1588 г. Иван Петрович Шуйский был в ссылке задушен дымом; в 1589 г. был убит боярин и воевода Андрей Иванович Шуйский.

З а Шуйскими последовало множество их сторонников: бояр, окольных и думных дворян, а также детей боярских (младший дворянский чин) и купцов. Борис Годунов действовал решительно и безжалостно. По обвинению «в неправдах многих перед государем» подозрительных правителю «царских дворян, и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей... разослаша в Поморские

города, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Пермь Великую, в темницы и в пустые места».

Вспыхнувшие было по разным городам волнения были подавлены. Удовлетворенное политикой Годунова дворянство поддерживало правителя. Придворные спешили перейти на его сторону. С реализацией замысла иметь в Москве патриарха можно было не торопиться, но Годунов не оставил совсем эту мысль, пришедшую в пылу борьбы за власть.

Престол для Иова

События, связанные с поставлением первого Московского и всея Руси патриарха Иова, нашли отражение во множестве официальных и неофициальных источников, как русских, так и «греческих», то есть принадлежащих перу православных восточных архиереев. И хотя в каждом из сочинений и документов имеется определенная недосказанность и тенденциозность, вместе они позволяют рассказать о происходившем достаточно полно и достоверно.

Известие, полученное в столице от смоленского воеводы в июне 1588 г., было неожиданно для московского правительства. Сам Константинопольский патриарх Иеремия II вместе со своим другом, митрополитом Монеувасийским Иерофеем (известным историком), Елассонским архиепископом Арсением и значительной свитой прибыл в российские пределы и просил у государя позволения ехать в Москву. Легко представить себе, сколько вопросов возникло у Бориса Годунова и уже союзного ему посольского дьяка Андрея Щелкалова, знавших Константинопольского патриарха Феолипта и затруднявшихся определить, кем, собственно, является Иеремия.

К чести московского правительства нужно отметить, что оно быстро и верно отреагировало на полученные известия. Иеремии было отправлено царское приглашение пожаловать в Москву. Смоленскому воеводе было велено принимать приезжего «честно, точно так же, как митрополита нашего». Приставу Семену Пушечникову, который должен был сопровождать Иеремию со спутниками до столицы, приказывалось «честь к патриарху держать великую, такую же, как к нашему митрополиту».

В то же время пристав обязывался «разведать, каким обычаем патриарх к государю приехал, и ныне патриаршество Цареградское держит ли, и нет ли кого другого на этом месте?» Борис Годунов желал знать, «где Феолипт, бывший прежде патриархом? Кто из них двух, по возвращении Иеремии, будет патриаршествовать? И кроме его нужды, что едет за милостынею (о чем сообщалось в патриаршей грамоте царю Федору Иоанновичу. – А. Б.), есть ли с ним от всех патриархов, с

соборного приговора, к государю приказ» (то есть решение о благословении создания Московской патриархии).

Властям на местах, которыми проезжал Константинопольский патриарх, дозволялось проявлять приличествующий случаю энтузиазм (что они и делали), но правительство встречало Иеремию прохладнее, чем Иоакима. Во-первых, его положение в православной церкви оставалось не вполне ясным. Во-вторых, Годунову не было нужды торжественными церемониями колоть глаза московскому первосвященнику – своему сотоварищу Иову.

После многолюдной встречи у ворот столицы Иеремия со спутниками был препровожден на подворье Рязанского архиепископа и устроен на житье со всеми почестями, под крепкой стражей. Вновь отдадим должное Годунову, который, несмотря на недостаток информации, как бы предвидел дальнейшее развитие событий. Похоже, что в голове бывшего опричника и будущего царя немедленно созрела вся будущая непростая комбинация.

Сразу по приезде Иеремия со спутниками был плотно изолирован. Никому не дозволялось ни приходить на рязанское подворье, ни выходить из него без специального разрешения – ни русским, ни иноземцам, включая живших в Москве православных с Востока. «И когда даже монахи патриаршие ходили на базар, – пишет митрополит Иерофей Монеувасийский, – то их сопровождали царские люди и стерегли их, пока те не возвращались домой». Приезжие были окружены доверенными людьми Годунова; охранявших подворье детей боярских правитель приказал подобрать «покрепчае».

Через неделю после прибытия патриарха в столицу ему была дана краткая аудиенция у государя, причем Федор Иоаннович на этот раз переступил навстречу приезжему всего на полсажени. Сразу за обменом дарами посольский дьяк А. Я. Щелкалов объявил, что по просьбе патриарха государь дозволяет ему переговорить с Борисом Федоровичем Годуновым.

Московский правитель бесцеремонно выдворил из Малой ответной палаты всех спутников Иеремии и прямо спросил патриарха: зачем он приехал в Москву, кто, собственно, ведает Константинопольской патриархией, где старый патриарх Феопит и что сам Иеремия хочет сообщить государю. При разговоре присутствовали Щелкалов, дьяк Дружина Петелин и подьячий, который вел запись.

Очень скоро выяснилось, что Иеремии и в голову не приходило заботиться об учреждении патриаршего престола в Москве. Он много рассказывал о себе, как управлял Константинопольской патриархией и был оклеветан перед султаном, как Феопит подкупил турецких пашей,

обещая давать султану на две тысячи золотых в год больше. В результате султан велел быть патриархом Феолипту, а Иеремию сослал на Родос.

Однако честолюбивый Феолипт переоценил возможности пополнения патриаршей казны. На пятый год патриаршества Феолипт был отставлен султаном, турки разграбили патриарший двор, а из церкви сделали мечеть. Иеремия был возвращен из ссылки и получил распоряжение султана строить патриарший двор и церковь в другом месте Константинополя. Денег не было – и патриарх с разрешения султана отправился за подаянием.

В этой ли беседе, или сопоставив донесения приставленных к грекам осведомителей, но Борис Годунов со Щелкаловым уловили упорное нежелание Иеремии способствовать учреждению патриаршего престола в Москве – нежелание, свойственное вообще восточному духовенству, утратившему былое богатство и влияние и потому особенно рьяно отстаивавшему свое номинальное первенство в церковной иерархии.

Годунов не стал действовать в лоб. Укрепивший свое положение правитель располагал временем и средствами, чтобы вести правильную осаду Иеремии, запертого на подворье и окруженного доверенными людьми Бориса Федоровича. Иеремия, поддержанный своими спутниками и особенно Иерофеем Монемвасийским, продержался полгода. Возможно, он сопротивлялся бы и дольше, если бы не был побежден хитростью: на коварные уловки Годунов и Щелкалов были великие мастера!

Недели шли за неделями, московское правительство не обращало на Константинопольского патриарха никакого внимания, приставленные к Иеремии люди вели с ним ничего не значащие беседы. Между прочим, кто-то из них неофициально выразил пожелание, чтобы гость поставил на Москве патриарха. Иеремия отказал наотрез: самое большее в России можно поставить «архиепископа, какой в Ахриде». Да и от этого его отговорили спутники, указав, что автокефальная (самоуправляемая) Ахридская архиепископия была учреждена пятым Вселенским собором – и не одному патриарху, да еще приехавшему за милостыней, учреждать подобную в России.

Милостыню следовало еще получить – без нее невозможно было возвращаться в Константинополь, к разоренному храму и жадным турецким начальникам. Задерживаясь в России, Иеремия легко мог потерять патриарший престол, на который хватало претендентов. Он не жаловался на жизнь в Москве, роскошную для бедных греков, но все с большим сомнением смотрел в будущее. Его спутник архиепископ

Арсений Елассонский решил остаться в России. Как-то и Иеремия прилюдно сказал Иерофею Монеувасийскому, что остался бы здесь патриархом, если бы русские захотели.

Иерофей отговаривал приятеля, но люди Годунова уже доложили о словах патриарха. И вот, пишет Иерофей, «русские придумали хитрую уловку и говорят: владыко, если бы ты захотел и остался здесь, мы имели бы тебя патриархом. И эти слова не царь сказал им и не кто-либо из бояр, а только те, которые стерегли их. И Иеремия неосмотрительно и неблагоразумно, ни с кем не посоветовавшись, отвечал: остаюсь! Такой имел нрав, что никогда не слушал ни от кого совета, даже от преданных ему людей, вследствие чего и сам терпел много, и [Церковь](#) в его дни», – грустно заключает Иерофей.

Митрополит Монеувасийский напрасно обвиняет в данном случае патриарха Константинопольского: Иеремия попался на крючок вовсе не по излишней доверчивости. Для всех было очевидно, сколь выгодно Российскому государству переманить к себе первого по значению Вселенского патриарха, перенести в Москву его престол. Даже в том случае, если бы в Константинополе на место Иеремии поставили другого патриарха, русская патриархия, опираясь на идею «пронесения» к ней всех святынь с Востока, могла бы претендовать на главное место во Вселенской православной церкви, соответствующее силе и славе Москвы.

Для внешней политики государства переход в Москву Константинопольского патриарха имел бы колоссальное значение. Не только Греция и Балканы, но православная Белоруссия и Украина подчинялись тогда Константинопольскому святителю: понадобилось еще сто лет, чтобы митрополит Киевский принял благословение от патриарха Московского. Но разоренная Грозным страна уже не имела сил для наступления на мусульман и освобождения своих братьев-православных; ее правители помышляли о собственной корысти, а не о защите православия от католической реакции, о надвигавшейся с Запада угрозе унии.

Но и изолированные в Москве греки не могли понять мотивов Годунова и предугадать его поведение. Между тем события развивались стремительно. После полугодового перерыва в статейном списке Посольского приказа появилась запись, что царь Федор Иоаннович, посоветовавшись с супругой и поговоря с боярами, объявил о необходимости учреждения в России патриаршества, но так, чтобы Константинопольский патриарх Иеремия не стал патриархом Московским!

«И мы о том прося у Бога милости помыслили, – говорилось от царского имени, – чтобы в нашем государстве учинити патриарха, кого

Господь [Бог](#) благоволит: буде похочет быти в нашем государстве Цареградский патриарх Иеремия – и ему быти патриархом в начальном месте Владимире, а на Москве митрополиту по–прежнему; а не похочет Цареградский патриарх быти во Владимире – ино бы на Москве учинити патриарха из московскаго собору, кого Господь Бог благоволит».

Далее в статейном списке отмечено, что об учреждении патриаршего престола в Москве Борис Годунов говорил еще с патриархом Иоакимом, причем говорил «тайно». «Тайно» же Годунову было поручено переговорить сейчас с Иеремией – и потому в статейном списке речи Годунова к патриарху нет. Зато она передана в историко–публицистическом сказании, составленном явно не без участия Бориса Федоровича.

Годунов подчеркивал, что грекам было дано задание решить вопрос о патриаршем престоле в России соборно, и предлагал Иеремии «быти на патриаршестве в нашем государстве на престоле Владимирском и всея Великий России». Ответ Иеремии, зафиксированный и в статейном списке, и в сказании, свидетельствовал о том, что он очень хотел стать патриархом на Руси; он даже принял довод Годунова, что султан все равно уже разорил Константинопольское патриаршество.

От имени Иеремии было записано, что он якобы советовался с патриархами Сильвестром Александрийским, Нифонтом Иерусалимским, Иоакимом Антиохийским и со всем освященным собором восточных архиереев: «И советовав приговорили, что пригоже на Российском царстве патриаршеству быти и патриарха учинити». Эта явная ложь могла быть приписана Иеремии московскими властями, тем более что на самом деле патриарха Иерусалимского звали Софроний (1579–1608).

Однако то, что Иеремия согласился патриаршествовать в России, но отказался ехать во Владимир, известно достоверно. «Мне во Владимире быть невозможно, потому что патриарх при государе всегда», – заявил Иеремия, никогда не состоявший «при государе». Дело в том, что (по воспоминаниям Иерофея Монемвасийского) «предупрежденный некоторыми христианами» Иеремия считал город Владимир страшной дырой, местом ссылки, хуже печально известного ему Кукоса. Поскольку кроме приставленных Годуновым людей патриарх ни с кем общаться не мог, очевидно, что именно правитель не желал перенесения Константинопольского престола в Россию.

Годунову нужен был свой патриарх, для собственных целей. Им должен был стать митрополит Иов. Сразу же после ответа Иеремии было четко и определенно заявлено об этом боярам от царского имени:

«Мы помыслили было, чтобы святейшему Иеремии быть в нашем государстве на патриаршестве Владимирском и всея России, а в царствующем граде Москве быть по–прежнему отцу нашему и богомольцу митрополиту Иову. Но святейший Иеремия на Владимирском патриаршестве быть не хочет, а соглашается исполнить нашу волю, если позволим ему быть на патриаршестве в Москве, где ныне отец наш митрополит Иов.

И мы помыслили, что, то дело не статочное: как нам такого сопрестольника великих чудотворцев Петра, и Алексия, и Ионы, и мужа достохвальнаго жития, святаго и преподобнаго отца нашего и богомольца митрополита Иова изгнать от (соборного храма. – А. Б.) пречистыя Богородицы и от великих чудотворцев и учинить греческаго закона патриарха?! А он здешняго обычая и русскаго языка не знает, и ни о каких делах духовных нам нельзя будет советоваться без толмача. И ныне, – объявлялось царское решение, – еще бы посоветоваться с патриархом о том, чтобы он благословил и поставил на патриаршество Владимирское и Московское из российского собора (архиереев. – А. Б.) отца нашего и богомольца Иова митрополита по тому чину, как поставляет патриархов Александрийскаго, Антиохийскаго и Иерусалимскаго.

И чин поставления патриаршескаго у него, Иеремии, взять бы, чтобы впредь поставляться патриархам в Российском царстве от митрополитов, архиепископов и епископов. А митрополиты бы, и архиепископы, и епископы поставлялись от патриарха в Российском царстве – а для того бы учинить митрополитов и прибавить архиепископов и епископов, в каких городах пригоже».

Для приличия русские источники указывают, что Годунов «многожды» уговаривал Иеремию патриаршествовать во Владимире – но конечно же не уговорил. 13 января 1589 г. Годунов со Щелкаловым навестили Иеремию на подворье и объявили, что по воле царя хотят «посоветоваться» о поставлении русского патриарха. Как выглядел этот «совет» – пишет Иерофей Монеувасийский: «Тогда говорят ему: решение царя то, чтобы ты поставил патриарха. И Иеремия говорил другое, что он не уполномочен епископами и что это было бы незаконно. Но, наконец, и не хотя, рукоположил России патриарха».

Неизвестно, какие «аргументы» привели бывшие подручные Ивана Грозного, чтобы сломить битого жизнью старенького грека. Иеремия полностью находился в их руках и вынужден был исполнять, что прикажут, тем более что своим согласием занять Московский престол признал, что Россия достойна иметь патриарха. Он был не подготовлен к рукоположению патриарха и по требованию Щелкалова смог представить только кратенький конспект этого действия. Но дьяк не

растерялся и нашел подробности церемонии в «чине» поставления русского митрополита; внося туда небольшие изменения, он вскоре составил для исполнителей и участников торжественного акта детальный «чин и устав» (сценарий и правила).

Добившись своего, Годунов желал, чтобы все было организовано самым благопристойным образом. 17 января состоялось заседание царя Федора Иоанновича с освященным собором, на котором высшее духовенство во главе с Иовом формально одобрило замысел государя и «положилось на его волю». 19 января царь, митрополит и весь освященный собор приговорили направить делегацию церковных иерархов к патриарху Иеремии для совета о предстоящих церемониях. Много раздумывать духовным лицам не пришлось: Щелкалов представил им готовый и утвержденный царем план мероприятий. В четверг 23 января русские архиереи за исключением митрополита Иова (остававшегося на своем дворе) должны были собраться в Успенском соборе и направить делегацию за патриархом Иеремией. После торжественной встречи у собора Иеремия со свитой греков занимал отведенное ему место и «тайно» советовался с присутствующими об избрании патриарха, а также двух новых митрополитов – Новгородского и Ростовского.

Затем митрополит Иерофей Монеувасийский, архиепископы Тихон Казанский и Арсений Елассонский, епископы Иов Суздальский, Сильвестр Смоленский, Митрофан Рязанский, Захария Тверской, Иосиф Коломенский и Геласий Крутицкий удалялись в придел Похвалы Богородицы и избирали по три кандидатуры на патриаршество и обе митрополии.

В патриархи, заявил Щелкалов на совещании 19 января, будут рекомендованы митрополит Иов, архиепископы Александр Новгородский и Варлаам Ростовский; на Новгородскую митрополию будут предложены архиепископ Александр Новгородский, архимандриты Киприан Троицкий и Иона Рождественский; на Ростовскую – архиепископ Варлаам Ростовский, архимандриты Сергей Новоспасский и Феодосий Чудовский.

После того как архиереи «изберут» кандидатов и подпишут соответствующие акты, продолжал инструктаж Щелкалов, документы передаются патриарху Иеремии, который отнесет их к государю Федору Иоанновичу в Золотую палату. Здесь в окружении бояр и всех архиереев царь изберет из предложенных кандидатур патриарха и двух митрополитов. Кто будет избран – было очевидно. Тут же Иеремия и наречет митрополита Московского патриархом, а архиепископов Новгородского и Ростовского – митрополитами.

Торжественное поставление Иова в патриархи было назначено на 26 января 1589 г. На заседании 19 января Щелкалов в общих чертах познакомил Иеремию с планом предстоящей церемонии, весь ход которой был уже подробно расписан: участники должны были иметь время, чтобы старательно запомнить свои обязанности. Пиршества у царя и патриарха были тщательно распланированы и на следующие дни, вплоть до 30 января, когда Иов должен был рукоположить митрополита Новгородского (Ростовский митрополит был торжественно поставлен несколько дней спустя). Все так и совершилось.

Патриарх Иеремия выступал как орудие московских властей. Мнением его интересовались мало. Так, наречение патриарха и митрополитов Иеремия думал провести в церкви, но оно состоялось в Золотой палате, как пожелали хозяева положения. Номинально занимая первое место, Константинопольский патриарх был подавлен и отведенной ему ролью, и невиданной роскошью церемоний, и богатством даров, вручавшихся ему и остальным архиереям.

На приеме в палатах Иова 27 января Иеремия устремился даже первым просить благословения у Иова, заявив, что во всей подсолнечной один благочестивый царь, а впредь что [Бог](#) изволит; здесь (в Москве. – А. Б.) подобает быть Вселенскому патриарху, а в старом Цареграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок.

Цена политики

Организовав поставление в патриархи Иова, Борис Годунов мог подумать и о последствиях этого шага. Когда Иеремия стал проситься на родину, правитель уговорил его задержаться. Только к маю была составлена Уложенная грамота, утверждающая новый статус Русской православной церкви (она публикуется в этой книге). К этому времени было решено, что великому господину патриарху Московскому и всея Руси должны подчиняться не два, а четыре митрополита. Ими стали: Александр Новгородский и Великолуцкий, Гермоген Казанский и Астраханский, Варлаам Ростовский и Ярославский, Геласий Сарский и Подонский (Крутицкий).

Величию Московского патриархата должны были соответствовать шесть новых архиепископий: Вологодская и Велико–пермская, Суздальская и Тарусская, Нижегородская, Смоленская и Дорогобужская, Рязанская и Муромская, Тверская и Старицкая. Все они были преобразованы из епископий и к моменту составления Уложенной грамоты имели своих пастырей (кроме Нижегородской).

Из восьми утвержденных в грамоте епископий семь (за исключением Коломенской) были новообразованными. В шести из них

пастыри еще не были поставлены, что не помешало отметить их в Уложенной грамоте в качестве участников освященного собора, оставив пробелы для вписывания имен. Впрочем, не все лица, обозначенные в грамоте по именам, реально присутствовали в Москве в то время, когда грамота обсуждалась и утверждалась, и потому не смогли ее подписать.

Московский патриарх скромно писался в грамоте после Иеремии Константинопольского, но это не значило, что он считал себя вторым во Вселенской церкви. От имени Иеремии заявлялось, что два Рима – Рим и его преемник Константинополь – пали, и «великое Российское царствие, Третий Рим, благочестием всех превзыде». Соответственно митрополит Монеувасийский Иерофей был поставлен в списке участников освященного собора после трех русских митрополитов, архиепископа Арсения Елассонского вообще забыли упомянуть (хотя он подписал грамоту последним из архиепископов), греческих архимандритов и игуменов записали также далеко не на первых местах. В своих пределах московские духовные и светские власти могли, конечно, творить все, что угодно. Они даже не удосужились перевести Уложенную грамоту на греческий, когда давали ее подписывать Константинопольскому патриарху и его приближенным. Иерофей Монеувасийский вздумал было возражать, опасаясь, что Московский патриарх признается в грамоте вышестоящим по отношению к грекам: как бы «не разделилась [Церковь](#) и не стало в ней другой главы и великой схизмы», – предупредил он.

Действительно, был слух, что Иеремия передал царю Федору Иоанновичу свое отречение от сана и патриарший посох, а Иов был наречен патриархом «Константинопольским и Сионским со всею властью, принадлежащею сему патриаршему престолу». Как бы то ни было, митрополит Иерофей вынужден был подписать грамоту (по его словам – под угрозой утопления в реке). Зато после подписания он вместе с другими спутниками Иеремии был щедро одарен.

Долгая осада Константинопольского патриарха и поведение Монеувасийского митрополита свидетельствовали, что при утверждении новой патриархии православным Востоком может возникнуть серьезное сопротивление. Выпустив Иеремию из России, его следовало держать на золотой цепи. Даже когда патриарх пересек границу, его нагнал царский посланник с дополнительным денежным пожалованием, грамотами от царя и Годунова, обещавшими дальнейшие милостыни.

Особая грамота была направлена турецкому султану. Царь Федор Иоаннович просил его, во имя дружбы между государствами, «держать патриарха Иеремию в бережении, по старине, во всем». Московское

правительство не желало, чтобы Иеремия был свергнут прежде, чем соборно утвердит учреждение нового патриаршества. Соответствующую грамоту восточных иерархов привез в Москву митрополит Тырновский Дионисий только в июне 1591 г.

Константинопольская Уложенная грамота о русском патриаршестве была подписана Иеремией, Антиохийским патриархом Иоакимом, Иерусалимским патриархом Софронием, 42 митрополитами, 19 архиепископами и 20 епископами в мае 1590 г. Она сильно отличалась от московской грамоты прежде всего тем, что восточные архиереи отводили Московскому патриарху последнее, пятое место, после патриарха Иерусалимского.

Об этом прямо говорилось в грамоте царю Федору Иоанновичу: «Признаем и утверждаем поставление... патриарха Иова, да почитается и именуется он впредь с нами, патриархами, и будет чин ему в молитвах после Иерусалимского». В грамоте к Иову восточные патриархи с освященным собором писали: «Имеем тебя всегда нашим братом и сослужебником, пятым патриархом, под Иерусалимским», – и предлагали признавать Константинопольского патриарха «начальным» себе.

Особую грамоту патриархи и собор адресовали Годунову, осыпая его благодарностями. Тот же Дионисий Тырновский привез и личные послания Иеремии царю, царице, Иову и Годунову, каждое из которых содержало просьбы о денежных пособиях, обещанных ему за выполнение поручения. В Москве, однако, с беспокойством заметили, что поручение выполнено не до конца: Уложенная грамота не имела подписи второго по значению в Восточной церкви Александрийского патриарха.

Прежний Александрийский патриарх Сильвестр оставил престол, а его преемник Мелетий Пигас резко отчитал Иеремию за самоуправное и незаконное создание новой патриархии. Известный ученый богослов, строгий канонист и весьма влиятельный на Востоке архиерей потребовал отменить это решение.

«Я очень хорошо знаю, – писал Мелетий Иеремии, – что ты погрешил возведением Московской митрополии на степень патриаршества, потому что тебе небезызвестно (если только новый Рим не научился следовать древнему), что в этом деле не властен один патриарх, но властен только синод и притом вселенский синод (собрание высших иерархов. – А. Б.); так установлены все донныне существующие патриархии.

Поэтому ваше святейшество должно было получить единодушное согласие остальной братии, так как, согласно постановлению отцев третьего собора, всем надлежит знать и определять то, что следует

делать, всякий раз, когда рассматривается общий вопрос. Известно, что патриарший престол не подчиняется никому иному, как только католической церкви (то есть Вселенской православной церкви в целом. – А. Б.)...

Я знаю, что ты будешь поступать согласно этим началам, и то, что ты сделал по принуждению, по размышлении уничтожишь словесно и письменно!»

Московское правительство предвидело это затруднение, а возможно, получило информацию о позиции Мелетия Пигаса, которую могли поддержать многие на Востоке. В феврале 1592 г. осыпанный милостями митрополит Дионисий Тырновский отбыл из Москвы, везя с собой богатые подарки всем четырем патриархам. В грамоте Мелетию от царского имени предлагалось особо известить государя «о утверждении» патриарха Иова.

Царь Федор Иоаннович и патриарх Иов официально уведомляли каждого из четырех восточных патриархов, что Московская патриархия претендует на третье место во Вселенской церкви. Льстя Иеремию, московские власти соглашались считать его главой православия, вместо «отпавшего» Римского папы. Александрийского патриарха Мелетия приходилось опасаться – и его признали вторым по значению. На большие уступки милостынеподатели соглашаться не желали.

«Мы, великий государь, – гласили московские грамоты, – с первопрестольником нашим Иовом патриархом, и с митрополитами, архиепископами, и епископами, и со всем освященным собором нашего великаго царства советовав, уложили и утвердили навеки: поминать в Москве и во всех странах нашего царства на божественной литургии благочестивых патриархов, во-первых, Константинопольскаго Вселенскаго, потом Александрийскаго, потом нашего Российскаго, потом Антиохийскаго, наконец, Иерусалимскаго .

В феврале 1593 г. в Константинополе составилась новый собор восточных иерархов во главе с Иеремией Константинопольским, [Мелетием Александрийским](#) (имевшим голос и недавно умершего Иоакима Антиохийского) и [Софронием Иерусалимским](#).

Московские подарки оказали самое благотворное влияние на Мелетия, игравшего ведущую роль на соборе. Ссылаясь на канонические правила, он успешно доказал правильность действий Константинопольского патриарха и законность учреждения Московской патриархии. Однако, ссылаясь на другие правила, наотрез отказал новой патриархии в притязаниях на третье место во

Вселенской церкви. Это решение было единодушно принято и подписано участниками собора.

Учреждение в России патриаршества было с полным соблюдением формальностей признано Восточной православной церковью, но Московскому патриарху было оставлено лишь последнее, пятое место в ряду других патриархов. Многольстивые послания Мелетия Пигаса царю, царице, патриарху Иову, Годунову и Щелкалову, сопровождавшие соборное деяние, не могли скрасить этого неприятного для русских решения. Однако ничего сделать было уже нельзя.

Итак, Русская православная [церковь](#) и после учреждения патриаршества не заняла достойного ее места во Вселенской православной церкви. Чего же добился Борис Годунов в результате многолетних усилий? «Русская [церковь](#), – как писал митрополит Макарий, – считавшаяся доселе только одной из митрополий Константинопольского патриархата, сделалась сама независимым патриархатом и самостоятельной отраслью церкви Вселенской».

Но зависимость Русской митрополии от Константинополя давно была номинальной, а к концу XVI в. ее в Москве вообще не признавали. Тот же Макарий соглашается, что патриаршество не возвысило и не увеличило реальной власти московского первосвященника: патриарх располагал такой же властью над подведомственной ему [Церковью](#), как и прежний митрополит. Изменение в лестнице чинов, наименование архиепископий митрополиями и т. п. не меняло существа внутрицерковных отношений, хотя учреждение новых епархий, несомненно, укрепляло организацию Русской православной церкви.

Какие же выгоды преследовал Годунов, добиваясь учреждения отдельного патриаршего престола для митрополита Иова? Есть основания полагать, что бывший опричник и нынешний безраздельный управитель Российского государства достаточно хорошо знал Иова в прошлом и мог смело надеяться на него при осуществлении своих дерзновенных замыслов в будущем.

Иов – патриарх Московский и всея Руси

Однажды Иван Грозный, убивший своего двоюродного брата, известного полководца Владимира Андреевича Старицкого (со всей его семьей), посетил бывший удел князя, город Старицу. Богомольный убийца не отказал себе, разумеется, в посещении Успенского монастыря, что стоял против Старицы на другом берегу Волги. Здесь Грозному приглянулся прекрасный видом монах, воспитанник архимандрита Германа Иов.

Надо сказать, что среди прочих пороков самодержца была противоестественная склонность к красивым юношам. А в то время Иван как раз подумывал, как бы при случае зарезать своего давнего фаворита Федьку Басманова. Иов же помимо внешности обладал приятным голосом, проникновенно читал наизусть Писание и произносил слова молитв столь трогательно, что Грозный со своими опричниками плакали в умилении.

Словом, государь повелел произвести Иова, происходившего из простой посадской семьи, в архимандриты. Источники дружно молчат, как и когда умер воспитатель Иова Герман, но известно, что уже 6 мая 1569 г. у Успенского монастыря появился новый руководитель. На этом посту Иов задержался недолго – в 1571 г. он стал архимандритом одного из знаменитейших монастырей – Московского Симонова. Еще влиятельнее был архимандрит Новоспасского монастыря, имевший постоянный доступ ко двору; в 1575 г. им стал Иов.

Новоспасский архимандрит и Борис Годунов начинали карьеру в одно время и оба оказались счастливыми, уцелевшими в кровавых «потехах» возле трона. Видный опричник Борис Федорович в январе 1575 г. был «дружкой» на свадьбе Грозного и сопровождал его в «мыльню» с тремя другими царскими любимцами. Через несколько месяцев двое из них оказались в опале, а сестра Бориса Годунова Ирина стала супругой царевича Федора Иоанновича. Сам Борис Федорович в это время сопровождал царя в Старицу, возможно, вместе с Иовом.

К 1581 г. Годунов стал уже боярином; 16 апреля Иов был рукоположен в сан епископа Коломенского; в ноябре Иван Грозный убил своего сына Ивана и наследником стал зять Бориса Федоровича царевич Федор Иоаннович. С этого времени, по словам самого Иова, Годунов стал оказывать ему «превеликия милости» и «благодения». Вместе с благодетелем епископ Иов дожил до ночи с 18 на 19 марта 1584 г., когда царь–кровопийца то ли естественным путем, то ли с помощью приближенных скончался.

Вокруг трона, унаследованного слабоумным Федором Иоанновичем, началась ожесточенная борьба. Наследники Ивана Грозного, ничем не брезгуя, рвали друг у друга власть; побеждал в борьбе не только смелейший и коварнейший, но и самый предусмотрительный. Иов между тем оказался близок к богомольному царю Федору. Его великолепное знание Священного писания и множества молитв, яркий талант проповедника, замечательный голос производили глубокое впечатление.

Иов не напоказ вел строгий образ жизни. Обличая чревоугодников и пьяниц, Коломенский епископ сурово ограничивал себя в еде, вина же не пил никогда: даже на царском пиру в золотой

кубок ему наливали простую воду. Изнуряя себя молитвами, он истово выполнял обязанности священнослужителя, не пропуская храмовые службы и принимая на себя излишние обязанности.

В то же время Иов был добр к окружающим его, не заставлял насильно следовать своему примеру, но охотно прощал даже ленивых священнослужителей, за которых нередко выполнял их церковные труды. Он не досаждал своему окружению, избегал сообщать о проступках подчиненных начальству. Правда, не известно ни одного случая, чтобы Иов заступился за кого-либо.

Все это делало Коломенского епископа чрезвычайно удобным для всех лицом при раздираемом склоками царском дворе. Но верен – причем верен до конца – он был лишь своим благодетелям. А Борис Годунов, используя влияние своей сестры Ирины на царя Федора Иоанновича, упорно рвался к власти. Один за другим исчезали с политической авансены его соперники. В январе 1586 г. облагодетельствованный Годуновым Иов получил сан архиепископа Ростовского, третьего по значению после Московского митрополита и Новгородского архиепископа.

Мы не знаем, только ли Иова Годунов готовил как подходящую фигуру в его схватке с Шуйскими и митрополитом Дионисием. Выдвижение Иова могло быть связано с предстоящим альянсом Бориса Федоровича с Романовыми: Иов был близок к ним с того времени, как служил архимандритом их родового Новоспасского монастыря. Как бы то ни было, даже после свержения митрополита Дионисия 13 октября 1586 г. Годунову оказалось нелегко возвести на московскую кафедру своего ставленника.

Москва оставалась без митрополита почти два месяца. В завещании, публикуемом в этой книге, Иов утверждает, что стал митрополитом Московским и всея Руси 11 декабря. Однако по другим сведениям к 20 декабря митрополитом стал Иона, а Иов впервые упоминается как митрополит лишь 2 февраля следующего, 1587 г.² Теперь Борис Годунов имел помощника, которому можно было доверять во всех начинаниях.

Годунову отнюдь не нужна была сильная, самостоятельная [Церковь](#).

Еще в 1584 г. был принят соборный приговор об отмене податных привилегий монастырей и иерархов (тарханов). Было подтверждено запрещение расширять церковные земли путем покупок и вкладов, держать крестьян-закладчиков. По обыкновению, Борис Федорович представлял эти ограничения как временные, «покаместа земля поустроитца» (как и запрещение крестьянского выхода). Но важнее было то, что администрация строго следила за ограничением

церковных владений: приток новых земель и крестьян в них практически прекратился.

Было, конечно, желательно, чтобы русский митрополит стал патриархом, да еще не последним в ряду патриархов Вселенской православной церкви. Но не случайно от имени царя Федора Иоанновича было открыто заявлено, что власть желает иметь дело именно с дорогим для нее человеком – Иовом. Только и исключительно Иов был кандидатом в патриархи – и получил этот сан, несмотря на все трудности и потери.

Когда эпопея с учреждением Московской патриархии была завершена и Уложенная грамота о ней подписана – предполагавшаяся реформа епархий была прочно забыта. До подписания грамоты Иов возвел в сан четырех митрополитов, пятерых архиепископов и одного епископа на вновь открытую Псковскую епархию. На этом деятельность нового патриарха по обустройству вверенной ему «отрасли Вселенского православия» замерла.

Нижегородский архиепископ, упоминаемый в Уложенной грамоте, так никогда и не был поставлен. Правда, в Москве жил архиепископ Елассонский Арсений, служивший в Архангельском соборе, но шестым архиепископом русским его считать нельзя. Об этом свидетельствует сам патриарх Иов, в 1602 г. учредивший шестую архиепископию в Астрахани (отобрав часть епархии у слишком влиятельного и деятельного архиепископа Казанского и Астраханского Гермогена).

Из восьми предполагавшихся при поставлении патриарха Московского епископий существовало две: с прежних времен Коломенская и новая Псковская. В связи с войной со Швецией Иов учредил еще Карельскую епископию, не заботясь более об остальных пяти. «Честь» Московский патриарх получал в большей степени благодаря близости к власти имущим, чем силе церковной организации.

За пятнадцать с лишним лет своего патриаршества Иов оставил в истории удивительно мало чисто церковных дел, да и те имели, как правило, заметный политический крен. Летом 1588 г. он соборно определил праздновать память новоявленного чудотворца Василия Блаженного – юродивого, которому особо покровительствовал Иван Грозный. Осенью 1591 г. патриарх написал канон и исправил службу преподобному [Иосифу Волоцкому](#) – крупнейшему идеологу церковного стяжательства и государственной Церкви, злему врагу инакомыслия, которому 9 сентября соборно установлен был праздник. Хотя каждому из трех святителей московских – Петру, Алексию и Ионе – были установлены особые празднества, в 1595 г. Иов решил вдобавок

помянуть их всех вместе 5 октября: святые митрополиты создавали как бы фундамент власти Московского патриарха.

Канонизация святых производилась под явственным давлением «снизу». Энергичный Казанский митрополит Гермоген «обрел» мощи казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия, затем князя Романа Владимировича Углицкого и добился их всероссийской канонизации в 1595 г. Затем были установлены праздники святым, мощи которых «открывали» иные настойчивые местные власти: Антонию Римлянину (1597 г.) и преподобному Корнилию Комельскому (1600 г.).

При Иове и с его разрешения (впрочем, прежде разрешение было дано от царского имени) были перенесены в Соловецкий монастырь останки убитого Иваном Грозным митрополита Московского и всея Руси Филиппа (1591 г.). Соловчане и иные жители Русского Севера праздновали память этого святого 9 января.

Услуги Иова понадобились правительству уже вскоре после его поставления. Дело в том, что грузинский царь Александр, утесняемый турками и персами и недавно принятый по его униженной просьбе в подданство Российской державы, в октябре 1588 г. просил также помощи «для исправления православный христианския веры». Отказать только что принятому в подданство государю было невозможно, и правительство обратилось к патриарху – тот написал в Грузию два послания.

Обращаясь к грузинскому царю Александру, Иов попросту изложил [символ веры](#), убеждая твердо его держаться, биться против ересей и еретиков, почитать родителей, а более них – духовных учителей. Значительно обширнее было второе послание Иова, адресованное Грузинскому митрополиту Николаю и всему освященному собору.

Московский патриарх благословлял в нем всех адресатов и уведомлял об исполнении их просьбы: посылке из России четырех учителей богословия и трех иконописцев. Послание состояло из 6 частей с введением и заключением. «Знаем вас изначала, – писал Иов, – Божиею благодатию христианами, но не ведаем, откуда возникли у вас соблазны, так что ныне вы не во всем вполне держите христианскую веру и в немногом разделяетесь от нас. Внимайте же прилежно, в чем состоит истинная благочестивая православная вера».

Патриарх продемонстрировал в послании богатые знания церковноучительной литературы. Он большими отрывками цитировал «Изборник» митрополита Даниила, слово болгарского пресвитера Козьмы на богомилов и т. п. Обличив еретиков, Иов обрушился на протестантов, латинян и магометан, подчеркнул значение Церкви и церковных иерархов.

По его мнению, «два великия начала от Бога установлены в мире: священство и царство», причем духовная власть и церковные имущества принадлежат исключительно архиереям, а мирская власть – царям. Бог запрещает кому бы то ни было посягать на церковное достояние и вмешиваться в священные предметы. С другой стороны, каноны запрещают пользоваться покровительством мирских властей для достижения степеней священства.

Послания в Грузию были написаны в апреле 1589 г., то есть именно тогда, когда Иов только что достиг степени патриарха волей и стараниями светской власти! Разделения властей, о котором Иов писал грузинам, отнюдь не наблюдалось на Руси, где тоже хватало церковных «нестроений». Выяснилось, например, что поповские старосты и десятские священники, поставленные сорок лет назад Стоглавым собором русских архиереев по городам и в самой Москве для надзора за низшим духовенством, совершенно бездействуют.

Понадобился, однако, указ от царского имени, чтобы Иов собрал освященный собор 13 июня 1592 г. Собор вновь учредил в столице восемь поповских старост и дал каждому в помощь по четыре десятских дьякона (каждый из которых должен был следить за десятью священниками). Надзиратели должны были ежедневно собираться в особой избе у храма Покрова Богородицы на Рву, а об обнаруженных «неисправностях» доносить патриарху.

Прежде всего, старосты и десятские обязаны были наблюдать, чтобы в церквах ежедневно возносились [МОЛИТВЫ](#) за государя, его семейство и воинство, чтобы отмечались царские дни и не пропускались панихиды по умершим государям. Затем надзиратели должны были собирать священников на торжественные молебны в Успенском соборе и патриаршие крестные ходы и не позволять им разбегаться раньше времени.

Наказ поповским старостам свидетельствует о многочисленных безобразиях, имевших место в церковнослужении в самой столице. Священники и дьяконы пьянствовали, уклонялись от церковной службы и даже от патриарших мероприятий, нанимали вместо себя пришлых священников, толпами наполнявших Москву. Судя по тому, что решение освященного собора о поповских старостах касалось только столицы, Иов не надеялся исправить положение в других городах.

Но и в Москве его мероприятие не принесло успеха. Ни сами поповские старосты и десятские, ни приставленные к ним для надзора четыре протопопа не выполняли своих обязанностей. Десять лет спустя, 1 октября 1604 г., патриарший тиун вынужден был доложить Иову, что старосты и десятские в избу не ходят, попов и дьяконов от

бесчинств не унимают, что безместные священнослужители чинят всякие безобразия, дерутся, ругаются и играют в азартные игры – и тут же нанимаются служить без всяких разрешений. Иов вновь собрал старост и десятских и выдал им новый наказ, по-видимому, столь же бесполезный, ибо выполнения его патриарх не контролировал.

Неудивительно, что митрополит Гермоген, энергично проводивший христианизацию своей епархии, обратился за помощью не к Иову, а к царю. Что бы ни говорил патриарх о невмешательстве светских властей в духовные дела, он предоставил решать поднятый Гермогеном вопрос не духовенству, а воеводам, получившим царский указ собрать всех мусульман, принявших [христианство](#), но живущих по своим старым обычаям, в Казань, поселить их в особой слободе с церковью и заставить жить по-христиански под угрозой темниц и оков. Отстроенные было мечети приказывалось ликвидировать, всех православных, нанявшихся к мусульманам, католикам и протестантам, отобрать и расселить между русскими (указ 18 июля 1593 г.).

Подобным же образом царская администрация заботилась о строительстве православных храмов в Сибири, направляя туда священников, иконы, книги, колокола и церковную утварь. Вся обширная работа велась по царским указам и от царского, а не патриаршего имени. После отвоевания у шведов Карелии (1591 г.) патриарх Иов встретил вернувшегося из похода царя Федора Иоанновича торжественной речью, уподобляя государя императору Константину и великому князю Владимиру за очищение земли от языческих капищ и установление православия. Лишь в 1598 г., когда усилиями царской администрации на карельских землях было водворено православное церковнослужение, патриарх Иов учредил здесь епископию.

Чем же, помимо службы в Успенском соборе и личных аскетических подвигов, был занят патриарх Иов? Тем, для чего и предназначал его Борис Федорович Годунов. В отличие от прежних митрополитов, патриарх постоянно, обыкновенно по пятницам, участвовал вместе с членами освященного собора в заседаниях Боярской думы, на которых принимались важнейшие государственные решения.

Патриарх, митрополиты, архиепископы и епископы (разумеется, не все, а приехавшие из своих епархий), архимандриты и игумены московских монастырей занимали почетнейшие после самодержца места. Мнение патриарха и духовенства выслушивалось в первую очередь. При слабом и неспособном к самостоятельному правлению государе Иов и подчиненные ему иерархи стали мощной опорой власти Бориса Годунова.

Учреждение Московской патриархии было связано с внешне небольшим, но существенным изменением структуры верховной власти. Сан патриарха позволял утвердить Иова как официально второе лицо в государстве. На патриарха ложилась тяжелая ответственность за государственные дела, он оказался не просто участником, но одной из центральных фигур ожесточенной придворной борьбы за власть. Недаром в духовном завещании Иов писал о бедах человеческих и лютых напастях, рыдании и слезах, пришедших к нему вместе со святительским саном.

Так продолжалось до тех пор, пока Борис Годунов не взошел на трон. Лишь тогда патриарх «от печали свободу приях... и во благоденствии пребывах». Достигнув высшей власти, Годунов уже не нуждался в государственном использовании Иова и освободил его от обременительных обязанностей; «зело всячески меня преупокои», – благодарно писал патриарх.

Но до этого было еще далеко. Вознесенный на невиданную российским иерархам высоту, Иов должен был отслужить опричнику, метившему на место самого царя. Он должен был еще проявить ту особую нравственную бестрепетность, которая воспитывалась у людей, выживших при дворе Ивана Грозного. Наконец, Иову предстояло дожить до расплаты наследников тирана перед своим разоренным и закрепощенным народом.

Дело царевича Дмитрия

2 июня 1591 г. патриарх Иов с освященным собором слушал дело о смерти младшего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия Углицкого. Давно уже вся Россия полнилась слухами о зловещем преступлении, совершенном клеветами Бориса Годунова на заднем дворе угличского дворца: злодейскими руками убийцы перерезали горло восьмилетнему отроку, наследнику российского престола при бездетном царе Федоре Ивановиче, пресекли древнюю династию Рюриковичей.

Страна волновалась, но спокойно восседали на своих местах за большим столом церковные иерархи и бояре, не проявляли беспокойства и занявшие лавки вдоль стен окольные и думные дворяне. Влиятельный прислужник правителя Годунова дьяк Василий Яковлевич Щелкалов (брат еще более знаменитого Андрея Щелкалова) важно читал свиток. Сразу было видно, что это подлинник, в спешке писавшийся прямо на месте следствия. Обратная сторона склеенных в длинную ленту столбцов пестрела корявыми подписями свидетелей, «рукоприкладствами» их духовных отцов.

По лицам присутствующих было видно, что они знают, что произошло в Угличе 15 мая. Взгляд Иова остановился на хитром лице князя Василия Ивановича Шуйского. Тот был явно доволен, что после пятилетнего перерыва вновь заседает на своем месте, среди бояр. Все его родственники оставались в опале, а Василий Иванович сумел доказать Годунову свою преданность и выбрался из ссылки. Именно ему было поручено возглавить угличский обыск, что должно было свидетельствовать об объективности следствия. По крайней мере для большинства народа, не бывшего в курсе придворных игр, Шуйские оставались противниками Годуновых, а именно Бориса Федоровича молва обвиняла в убийстве царевича.

Боярин был спокоен за исход дела. Обыск в Угличе он провел энергично и умело – недаром до ссылки возглавлял московский Судный приказ. Да и помощники были хороши – окольный Андрей Петрович Клешнин, ставленник Годуновых, человек при дворе третий, сидел сейчас на лавке у стены, ничем не выделяясь среди прочих членов Думы. Весьма способными оказались еще двое помощников, не присутствовавших на заседании: поместный дьяк Елизарий Вылузгин, хорошо знавший Углич, и посольский подъячий, который писал большую часть зачитываемого ныне свитка, – этого малого Вылузгин нашел недавно, когда вел переговоры с поляками.

Шуйский был доволен, что оказался в Москве к нужному моменту. Впрочем, это совпадение наводило на размышления, заставлявшие невольно восхищаться предусмотрительностью Годунова. Трагедия в Угличе произошла 15 мая. На следующий день в Москве уже знали, что, как только маленький царевич упал во дворе своего дворца с перерезанным горлом, угличане ударили в набат и перебили тех, кого подозревали в убийстве: присланного из Москвы дьяка Михаила Битяговского, его племянника Никиту Качалова, сына мамки царевича Осипа Волохова и еще несколько человек.

Угличане обвиняли в убийстве царевича Бориса Годунова. Но уже 18 мая в восставший город въехал и быстро навел порядок пристав Темир Засецкий, а 19 мая прибыла представительная комиссия во главе с Шуйским и посланный от патриарха митрополит Сарский и Подонский Геласий. Шуйский действовал умело и энергично, к тому же он еще в Москве продумал ответ на главный вопрос обыска: «Коим обычаем царевича Дмитрия не стало?»

Нужны были свидетели, чтобы ответить: «Царевич тешился с жильцами, с робятки маленькими, в тычку ножом, пришла на него немочь падучая, и бросило его на землю, и било его долго, и он накололся ножом сам». Постановка такого прямого вопроса была вполне законной и широко применялась в обыскной практике XVI в.

Надо было лишь подобрать людей, которые ответят «да» и не будут досаждать сыщикам своими мнениями.

Шуйский и его товарищи нашли подходящих людей среди тех, кто был лично ответствен за безопасность царевича и порядок в городе, кто мог весьма и весьма пострадать, вызвав гнев обыскной комиссии. Это были чиновники местной администрации, дворовые люди и военно–служилая челядь. Обыск начали с расспросов старших дворовых: ключников, подключников, сытников, стряпчих, детей боярских, пищиков (писцов) и т. п. Они бодро подтверждали версию Шуйского, ссылаясь при этом друг на друга. За ними последовали игумен Давыд, истопники, сторожа, подьячие, повара, хлебники, мобилизованные на царскую работу посошные люди, губной староста и рассыльщики.

Конечно, пришлось эту публику как следует припугнуть. Клешнин сразу же пошел «рыкати на граждан, аки лев», так что граждане «все умолкоша и ничто глаголаша, токмо рекоша: истиннаго мы дела не ведаем, тут не были», – после чего Клешнин «повеле тотчас речи их писати». Шуйский усмехнулся, вспоминая перепуганные лица расспрашиваемых, когда читавший свиток Щелкалов дошел до челобитной угличских рассыльщиков: «Милостивый государь царь! Покажи милость, чтоб мы, сироты твои, в том убийстве (М. Битяговского и др. – А. Б.) вконец не погибли, мы напрасно смертью не померли!»

Некоторые свидетели помогали комиссии активно. Некий Семейко Юдин назваля очевидцем самозаклания царевича. Мамка царевича Василиса Волохова поведала, что Дмитрий Иванович болел падучей болезнью давно и приступы у него случались сильные. Ее маленького сынишку убили по подозрению в том, что он участвовал в покушении на царевича, и Волохова готова была на сотрудничество с комиссией Шуйского. Зато показания непосредственных свидетелей – кормилицы Марины Тучковой, постельницы Марии Колобовой и четырех ребятишек–жильцов, игравших с царевичем, – записывать не стали, ограничившись стандартной формулировкой обыскных речей. Да и вызвали их в самом конце следствия, когда основной материал был уже собран.

Сложнее было «обработать» родственников царевича – Нагих. От показаний матери – царицы Марии – пришлось отказаться вообще, хотя с них полагалось начать обыск. Михаил Нагой упорно стоял на том, что царевича зарезали Волохов, Качалов и Битяговский, и не поддавался на коварный вопрос о падучей болезни. Пришлось во все последующие расспросные речи писать, а в некоторые предшествующие – вставлять указания, что именно Михаил Нагой, а не мужики–угличане, поднял восстание против царских представителей.

Хотя времени было и немного, компрометирующих материалов на Михаила было набрано столько, что они составили чуть не половину дела. Заодно возвели обвинения и на царицу Марию.

Допрос Андрея Нагого провел лично дьяк Елизарий Вылузгин. Располагая показаниями Волоховой, дьяк навел Нагого на долгий разговор о болезни царевича, о том, как она проявлялась. Это было тщательно записано. А вот о смерти царевича Вылузгин спросил коротенько и написал как бы между прочим: «А сказывают, что его (царевича. – А. Б.) зарезали, а он тово не видел, хто его зарезал». Получалось, будто свидетель и не уверен в своем мнении! Эта форма: «а того не ведают», – применялась комиссией при записи речей всех свидетелей, утверждавших, что царевич был убит. Отказался принять ее только Михаил Нагой.

Большой удачей Шуйского было признание версии о самозаклании третьим Нагим – Григорием. На него тоже начали было собирать компрометирующие материалы, но Клешнин уговорил своего зятя не совать голову в петлю, подумать о молодой жене и т. д. Так что в итоге комиссия постаралась полностью снять с Г. Нагого обвинения, хотя в угличской «смуте» он был явно замешан больше, чем М. Нагой. Угличское «всенародство», убежденное в том, что Дмитрия убили по приказу Годунова, Шуйского не интересовало: общение с ними он предоставил карателям. К сожалению боярина, он не мог вовсе обойтись без речей духовных лиц, а они, как назло, в большинстве своем смело утверждали, что знают об убийстве царевича. Часть таких показаний пришлось поместить в свиток, утопив их в середине дела и перемешав с противоположными показаниями.

Проведя обыск в кратчайший срок, Шуйский с товарищами перетасовал материалы дела и для верности переписал часть «речей». В начале, которое хорошо воспринимается слушателями, были помещены материалы против Михаила Нагого, его уверения, что царевича убили, слова очевидцев «самоубийства» и сведения о болезни царевича. Комиссия еще раз подчеркнула, что болезнь была «старая». Затем начиналось как бы само обыскное дело: речи священников, чиновников по старшинству и т. п. Комиссия сделала кое-какие приписки и поправки. Вылузгин и подьячий Посольского приказа просмотрели дело еще раз. Дьяк вписал несколько слов на склейку 32; подьячий углядел, что в одном из показаний зачинщиками бунта названы горожане, и вставил – «по приказу Михаила Нагого». Все это и еще многое из того, что творила комиссия Шуйского, строжайше запрещалось делать.

Но расчет был на то, что Годунов обеспечит благожелательное отношение к итогам работы комиссии, а большинство бояр и иерархов,

чей голос все равно не мог изменить ситуацию, пропустит детали мимо ушей. Для них в обыском деле были приготовлены отдельные занятные подробности (в частности, что во время событий Михаил Нагой был «мертвецки пьян»), ударные сведения расположены в начале и в конце свитка, чтобы в середине монотонного чтения Щелкалова можно было незаметно подремать.

Эти мелкие хитрости не могли подействовать на патриарха Иова, отличавшегося великолепной способностью к сосредоточению и удивительной памятью. Председательствуя на обсуждении результатов обыска, московский первосвященник не мог не видеть злостных нарушений следственной практики, перечеркивающих все выводы комиссии Шуйского для любого непредвзятого суда. Бросалось в глаза, что к делу о смерти сына Ивана Грозного и восстании в Угличе было привлечено ничтожно мало людей – менее полутора сотен, в то время как по самым незначительным делам выспрашивалось по 200–500 и более человек.

Нетрудно было заметить, что те, кого комиссия привлекла для дачи показаний, подвергались давлению. Протоколы допросов, которых не должно было проводиться по правилам обыска, включали даже очные ставки, до следования по отдельным деталям и т. д. Шуйский с товарищами явно пренебрегал существовавшими юридическими нормами! Небрежность давала себя знать и в содержании обыского дела.

Кто–то, вероятно, мог задуматься и о том, чем занималась комиссия Шуйского в Москве – ведь она вернулась в столицу к 27–28 мая, в пожарном порядке свернув работу в Угличе и привезя оттуда пусть неплохо обработанный, но все же на удивление куций свиток обыского дела⁸. Участники обыска успели получить награды, а само дело до 2 июня не представлялось царю, Боярской думе и освященному собору.

Даже при дворе ходили слухи, что к смерти царевича в Угличе причастен Борис Годунов. Опасность давно нависала над головой маленького Дмитрия Ивановича, его матери, родственников и приверженцев, об этом знали даже иностранцы. Поговаривали, что опала на дворецкого Григория Васильевича Годунова, Никифора Чепчугова и Владимира Загряжского связана с их отказом содействовать злодейским планам Бориса⁹.

А тут еще 24 мая запылала Москва: выгорел Белый город, Занеглинье с Арбатом, Никитской и Петровкой, около 12 тысяч домов. Вскоре сгорела и Покровка. Борис Годунов изыскал в казне большие средства, чтобы помочь погорельцам отстроить каменные здания, народ был ему благодарен, но слух, что Москву поджег Годунов, чтобы

отвлечь людей от размышлений о смерти Дмитрия Углицкого, был неистребим.

Одновременно со следствием в Угличе доверенные люди правителя провели расследование о московских пожарах. Как только Годунов получил обыскное дело, состряпанное Шуйским и его товарищами, московское дело было пущено в ход. Здесь Борису Федоровичу не нужно было опираться на авторитеты: попросту 28 мая 1591 г. по России была разослана царская окружная грамота, в которой назывались имена поджигальщиков, признавших, что они действовали... по заданию находившегося в ссылке Афанасия Нагого (самого опасного для Годунова члена этой фамилии). Доказательств против Нагого не приводилось, зато объявлялось, что он послал поджигальщиков и в другие города: берегите, мол, свое добро!

Патриарх Иов, автоматически отмечая про себя необъективность и просчеты комиссии Шуйского, нисколько не колебался в выборе. Абстрактная справедливость – или мудрое правление его благодетеля, проверенного еще в опричнине человека, щедрого и предусмотрительного Бориса Федоровича Годунова?! Разумеется, патриарх был за политическую мудрость, допускающую некоторые моральные потери ради общего блага государства. Едва Щелкалов закончил чтение, Иов встал и произнес приговор.

«И патриарх Иев со всем освещенным собором, слушев Углетцкого дела, и сказу митрополита Галасеи, и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на соборе:

В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Иоанновича всеа Русии – а преже сего такова лихова дела и такие убойства сстались и крови пролитье от Михаила от Нагово и от мужиков николи не было.

А перед государем царем и великим князем Федором Иоанновичем всеа Русии Михаила и Григорья Нагих и углетцких посадцких людей измена явная, что царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьим судом, а он, Михайле Нагой, государевых приказных людей: дияка Михаила Битяговского с сыном, и Микиту Кочалова, и иных дворян, и жильцов, и посадских людей, которые стояли за Михаила Битяговского и за всех за тех, которые стояли за правду и розговаривали посадцким людем, что они такую измену зделали, – велел побита напрасно, умышленьем, за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михаилом с Нагим, бранился почасту за государя, что он, Михайло Нагой, держал у себя ведуна Ондриюшу Мочалова и иных многих ведунов.

И за то великое изменное дело Михайло Нагой з братьею и мужики углечане по своим винам дошли до всякого наказанья. А то

дело земское, градцкое, в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иоаннович всеа Русии, все в его царьской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как Бог известит.

А наша должная молити Господа Бога, и пречистую Богородицу, и великих русских чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону, и всех святых о государе царе и великом князе Феодоре Иоанновиче всеа Русии и о государыне царице и великой княгине Ирине о их государьском многолетном здравие и о тишине межусобной брани».

Церковь устами патриарха заявила, что вопроса о причинах смерти царевича Дмитрия, о которой говорила вся Россия, не существует – есть только бунтовщики, с которыми следует расправиться. Такой указ боярам: «Углетцкое дело по договору вершити», – был немедленно отдан. Годунов получил санкцию на расправу со своими противниками. Нагие окончательно исчезли с политической арены. Более двухсот угличан, поднявшихся, чтобы отомстить за смерть маленького царевича, последнего Рюриковича, были казнены, остальные после пыток отправлены «в Сибирь и в Пермь Великую в заточение в пустые места».

Иову пришлось выслушать немало упреков за свое поведение в деле о смерти царевича Дмитрия Углицкого. Похоже, что, трепеща перед гневом Годунова, придворные высказывали свои чувства патриарху, не склонному к доносительству. «И всяко вещем сопротивное нападе на мы, – писал Иов впоследствии, – озлобление, и клеветы, укоризны, рыдания ж и слезы – сия убо вся мене смиреннаго достигаша». Однако Иова ждало более тяжелое испытание.

Трон для Годунова

Со смертью царевича Дмитрия и расправой над Нагими у Годунова не осталось сильных соперников. Даже царицу Марию насильно постригли в монастырь и сослали в пустынь на Белоозеро. Борис Федорович Годунов со своими приспешниками безраздельно властвовал в Российском государстве. Царь Федор Иоаннович был «прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен, сам трезвонил на колокольне и большую часть времени проводил в церкви».

Россия не оправилась от Великого разорения, ее терзали голод и пожары, Крымская орда доходила до Москвы, целые города вымирали от эпидемий или поднимали восстания. Годунов безжалостно увеличивал тяготы крепостничества, не жалея в то же время средств на каменное строительство, освоение новых земель, развитие промышленности и торговли. Страна воевала со шведами, осваивала

Сибирь и Поволжье. Каменные крепости строились в Москве (Белый город), Смоленске, Казани, Астрахани. В Сибири выросли города–крепости Тюмень, Тобольск, Лозьва, Пелым, Тара, Сургут, Обдорск, Верхотурье. Цепь укреплений пересекла татарские шляхи Дикого поля: Воронеж, Ливны, Елец, Кромы, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки, Севск, Крапивна. В стране появилось много новых каменных храмов, утверждавших величие Церкви и мощь государственной власти. Годунов уделял большое внимание наведению порядка в судах (особенно стараясь ликвидировать мздоимство), боролся с пьянством, щедро раздавал милостыню и денежную помощь погорельцам, стремясь завоевать популярность в народе.

Когда 29 мая 1592 г. у царя Федора Иоанновича и царицы Ирины Федоровны родилась дочь Феодосия, «верхи» облегченно вздохнули. Ирина не была бесплодна! Появилась надежда, что [смерть](#) болезненного царя Федора не повлечет за собой новую волну смертоубийственной борьбы за власть. В честь этого события было объявлено о прощении всех «опальных, кои были приговорены к казни, заточены по темницам», «кои мятеж творили о безчадии благоверных царицы».

Действительно, многим опальным, которых Годунов не успел втихую уморить, было позволено вернуться в Москву. Конечно, опасных противников правитель не прощал. Псков и Изборск были чуть ли не полностью опустошены эпидемией, война со Швецией продолжалась без видимых успехов, но Москва радовалась и веселилась. Даже «несчетное число» бродяг и нищих, поразившее английского посланника Джильса Флетчера, было на какое–то время удовлетворено щедрой царской милостыней, так что приезжий мог бы усомниться в собственном мрачном предсказании, что всеобщее возмущение в России «должно окончиться не иначе, как гражданской войной»¹¹.

Для упрочения сложившейся в Москве власти канцлер (по–русски – печатник) Андрей Щелкалов вел в 1593 г. секретные переговоры с послом Германской империи, которая была втянута в это время в тяжелую войну с Турцией и Крымом. В обмен на русскую помощь Щелкалов, ссылаясь на указание Годунова, просил прислать в Москву молодого австрийского эрцгерцога, который после знакомства с русским языком и обычаями женился бы на царевне Феодосии Федоровне.

По донесению австрийского посла Варкоча можно понять, что Щелкалов не преминул подчеркнуть свое значение в России и особое влияние на принятие проекта этого брака (в ущерб Годунову). Но события приняли другой ход, который не смог предвидеть хитроумный

канцлер. 25 января 1594 г. царевна Феодосия скончалась. Годунов, многие годы прилагавший усилия к тому, чтобы у царя Федора Иоанновича появился наследник и выписывавший акушеров даже из Англии, понял, что сможет удержать власть, только самолично захватив трон.

Уже в марте 1594 г. Андрей Щелкалов вынужден был вести переговоры с имперским гонцом Михаилом Шилем о браке эрцгерцога Максимилиана с дочерью Годунова: боярин всерьез предлагал породниться с императорским домом, обещая взамен вступление России в войну с Турцией и Крымом! Впрочем, новый виток борьбы в Кремле уже разворачивался. К лету Борис Федорович убрал от власти Андрея Щелкалова – «угрыз» его, «аки зверь»; временщик скончался вскоре «в бесчестном житие».

60-летний дьяк, два десятилетия заправлявший внешними делами Российского государства, успел щедро поделиться с Борисом Годуновым опытом творить всякое зло, «искусством во всяких злых кознях». Ценя подобные знания, правитель хотя и разогнал сторонников Андрея Щелканова в Посольском приказе, но поставил на его место брата, Василия Щелкалова, сделав его с 1596 г. еще и печатником (канцлером). Впоследствии, утвердившись на троне, Годунов избавился и от этого клеветника.

Смерть царевны Феодосии была тем рубежом, после которого окончательно разошлись дороги Годуновых и Романовых, объединявшихся вокруг трона своего свойственника Федора Иоанновича. Не сразу, но шаг за шагом повел Борис Годунов наступление на родовитую знать, устрашая одних, удаляя от двора других и ликвидируя третьих. Ссылка с последующим уморением была излюбленным методом Годунова. Александр, Михаил и Василий Никитичи Романовы были сосланы и, как многие до них, умерли при невыясненных обстоятельствах.

Бурные политические коллизии, вероятно, отвлекали патриарха Иова от духовных занятий. Лишь 6 августа 1594 г. архипастырь обратился к царице Ирине Федоровне с утешением по поводу кончины дочери. Умершие не возвращаются, напоминал он царице, рассказывая о горьком плаче Адама над телом сына его Авеля: «Земля есть и в землю отыдеши». Но [МОЛИТВА](#) праведных может подвигнуть Бога даровать им с царем чадо, как Иоакиму и Анне, до старости глубокой остававшимся бесплодными, однако получившим под конец жизни утешение.

«Видишь ли, благоверная государыня царица, – писал Иов Ирине, – сколь может [МОЛИТВА](#) праведных, терпеливо переносящих постигающие их скорби. А кручиною, государыня, ничего нельзя взять, можно взять лишь милостию Божию. Если печалишься, то только

гневишь Бога, а своей душе причиняешь немалый вред и безгодно изнуряешь свое тело; Дьявол же, егда видит кого скорбяща и печалующа, укрепляется нань.

Сего ради молю твое благочестие: о всем положи упование на Бога и на пречистую Богородицу. И пречистая Богородица, видя твое такое благоволение, умолит Сына своего, да подаст ти всяко прошение твое, его же у него просиши, и благородная чресла твоя многоплодна сотворит, и устроит тя яко лозу плодовиту в дому твоём!»¹²

Бог, однако, не внял молитвам царицы Ирины Федоровны и оставил ее бесплодной. А Годунов использовал любую возможность, чтобы к моменту смерти болезненного царя Федора Иоанновича не иметь соперников в борьбе за Московский престол. Не наше дело разбираться здесь в тонкостях придворной интриги, в которой патриарх Иов не принимал видимого участия. На первый план его выдвинула кончина царя 7 января 1598 г. Выполняя свое предназначение, тишайший патриарх неожиданно проявил себя как мощный политический лидер, удивительно твердо и энергично реализовавший свою ясную и определенную государственную позицию.

В разгар многосложной борьбы за предоставление трона Рюриковичей бывшему опричнику Иов успевает создать одно из обширнейших и велиречивейших своих произведений: «Повесть о честней житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси»¹³ – продолжение самой крупной официальной русской летописи того времени (Никоновской). Вот как выглядят, в небольшой адаптации, основные положения этого программного труда.

«Небес величие и высота недостижима и неопишима, земли широта и долгота неосыжима и неизследима, моря глубина неизмерима и неиспытима – святых же и крестоносных преславнейших Росийских царей многие добродетелей исправления неисчетны и неосмыслимы. Если кто будет и силен в рассуждении, и глубокоразумного российского языка грамматическим художеством и риторической силой преукрашен довольно – но благочестивых сих самодержавнейших царей добродетелей величие по достоинству исповедать не смогут...

Было время... когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России паче солнца сияя и свои светозарные лучи во всю вселенную испуская... от моря до моря и от рек до концов вселенной славу ее простирала, и благочестивых и крестоносных христианских царей Русские державы скипетродержавство великолепно цвело, и благородный царский корень многими летами непременно влекся от великого Августа кесаря Римского, обладавшего всей вселенной, как

история поведает, и до самого святого сего царствия... Федора Иоанновича веса Руси...»

Говоря об отце царя Федора, Иов с восторгом повествует о свирепости Ивана Грозного, запугавшего как свой, так и окрестные народы: «Той же убо благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси бе разумом и мудростию украшен, и в храбрых победах изряден, и к бранному ополчению зело искусен, и во всех царских исправлениях достохвален явился, великие изрядные победы показал и многие подвиги по благочестии совершив, царским своим бодроопасным правлением и многою премудростью не только всех сущих богохранимой державы своей в страх и в трепет вложил, но и все окрестные страны неверных язычников, слыша царское имя его, с великой боязнью трепетали».

Сын Грозного Федор Иоаннович, которого Иов вознамерился восхвалить, подобными талантами не отличался. Патриарх воспекает его «духовную мудрость», «благочестие» и «святое житие»: тот «хотя и превысочайшего Российского царствия честный скипетр содержал, но Богу всегда ум свой вверял, и душевное око бодро и неусыпно хранил, и сердечную веру всегда благими делами исполнял, тело же свое повсегда удручал церковным пением, и дневными правилами, и всенощными бдениями, и воздержанием, и постом...».

Среди государственных дел Федора патриарх описал продолжение завоевания Поволжья, вновь не преминув воздать хвалу Ивану Грозному, который «пределы их Казанские вся поплени и многое множество нечестивых болгар погуби». Да и то «повеление» царя Федора по усмирению язычников выполнил «достохвальный правитель Борис Федорович».

Бегло упомянув о покорении Сибири, Иов счел необходимым вернуться, собственно, к добродетелям восхваляемого государя, который был «зело нищелюбив, вдовиц и сирот миловал, паче же священнический и иноческий чин вельми почитал и пространною милостыней всегда удовлетворял», распространяя свою щедрость и на православный Восток. Щедрость эта, по мнению Иова, послужила причиной приезда в Москву Константинопольского патриарха и учреждения Московской патриархии, о котором рассказано весьма пространно, причем признано, что новый патриарх занял последнее место среди православных первосвященников.

Иов утверждал, что устройство московским государем патриаршего престола произвело столь сильное впечатление в мире, что иудеи, эллины, скифы, латины, арабы и язычники—басурмане, как простые, так и царствующие, «многие оставляли свою злосверную прелесть, и их злочестивую и богомерзкую веру проклиная и с большим

стыдом отбрасывая, к благочестивому его (Федора Иоанновича) царствию богохранимой державы с великим тщанием приходяще, и со многим молением и ревностью правую нашу христианскую веру прияти желающе, и во Христа веровать непрелестно хотяще», получили от государя щедрое воздаяние.

Но действительным правителем государства при Федоре Иоанновиче, писал Иов, был Борис Годунов. «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству.

И не только в своем царстве Русской державы изыде слух, но и по всем странам неверных язычников пройде слава о нем, якоже никто иной обретеса в те лета во всем царстве Русския державы подобен ему храбростью, и разумом, и верой к Богу. И от многих стран языческих царей приходя по славе к царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси с дарами многоценными, рабское поклонение и достойную честь царскому его величеству воздающе, и тому изрядному правителю царской богохранимой его державы, пресветлой красоте лица его и премудрости–разуму его чудящися, и возвращаясь в свои страны с удивлением превеликую добродетель (Годунова. – А. Б.) поведающе.

Сей же изрядный правитель Борис Федорович своим бодроопасным правительством и прилежным попечением по царскому изволению многие грады каменные создал, и в них превеликие храмы в славословие Божие возградил, и многие обители (монастыри. – А. Б.) устроил, и самый царствующий богоспасаемый град Москву, как некую невесту, преизрядной лепотой украсил: многие в нем прекрасные церкви каменные создал и великие палаты устроил, так что и зрение их великому удивлению достойно; и стены градные окрест всей Москвы превеликие каменные создал, и величества ради и красоты переименовал его в Царьград; внутри же его и палаты купеческие создал во упокоение и снабдение торжникам. И иное многое хвалы достойное в Русском государстве устроил».

Иов довольно пространно, но без излишних похвал государю рассказал о русско–шведской войне и участии Федора Иоанновича в воинских походах, не преминув остановиться на молебнах Новгородского митрополита Александра, а особенно на своем собственном служении во славу русского оружия и самодержца. Как огромная победа русского воинства и православного благочестия было

представлено отражение набега на Москву в 1591 г. крымского хана Казы–Гирея (которого Иов называет Мурат–Гиреем). Еще бы: руководил обороной столицы Борис Годунов, к тому же в народе упорно ходили слухи, что именно правитель «навел» крымчаков, «бояся от земли про убойство Дмитрия». Так что патриарху пришлось посвятить описанию сей «великой победы» (без боя) больше места, чем многолетней шведской войне.

«Мы же паки возвратимся на подлежащее... – вспомнил несколько поздновато Иов о теме своего сочинения, – благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии по достоинству изрядные добродетели похваляя». Но похвалы касались скорее частного человека, чем государственного деятеля. Кротость, милосердие, нищелюбие, смиренномудрие, «всенощное бдение и непрестанные к Богу молитвы», которые господней милостью охраняли Российское царство от междоусобий, ересей и неприятельских нашествий, – вот, пожалуй, все, что нашел положительного в своем герое Иов.

Пространно описывая благочестивую кончину Федора Иоанновича и цитируя свои собственные обширные речи по этому случаю, патриарх подчеркивал, что доселе «царский корень» российских государей не пресекался: «ныне же... [грех](#) ради всего народа православного христианства... царьского его корени благородных чад не остана, и по себе вручив скипетр благозаконной своей благоверной царице и великой княгине Ирине Федоровне всеа Руси».

Живописно изобразив скорбь овдовевшей царицы и ее плач над телом мужа, Иов отметил: «Изрядный же правитель, преждереченный Борис Федорович, вскоре повеле своему царьскому синклиту животворящий крест целовати и обет свой благочестивой царице предавати, елико довлеет пречестному их царьскому величеству. Бе же у крестного целования сам святейший патриарх и весь освященный собор». Итак, преемницей Рюриковичей на Российском престоле стала царица Ирина.

Когда во время похорон государя все архиереи, сановники и народ безутешно рыдали, «благочестивая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывала», тогда «изрядный правитель, преждереченный Борис Федорович сугубу печаль в сердце своем имущи, и об отшествии к Богу благочестиваго царя сетовал, и о безмерной скорби благородной сестры своей благоверной царицы рыдал, и земного правления тишину и мир с опасением устраивал».

По мнению Иова, царица Ирина Федоровна наследовала трон своего супруга, а истинный правитель Российского государства Борис Годунов

был и оставался преемником Ивана Грозного. Это мнение было высказано после 8 января, когда от имени царицы было объявлено о всеобщей амнистии, касающейся и самых тяжких преступников.

Однако и царствование Ирины, и правление Бориса были весьма и весьма сомнительными для подданных Российского государства. Летописи и сказания повествуют, что богомольный Федор Иоаннович и не мыслил нарушать вековые традиции. Его жена не только не короновалась на царство (это придумал позднее Лжедмитрий I для Марины Мнишек), но и не присутствовала официально на царском венчании своего супруга.

Умирая, Федор Иоаннович сказал о своей жене: «Како ей жить – и о том у нас уложено». Вдовая царица по обычаю постригалась в монастырь. Соответственно, муж велел ей удалиться «от мирского жития», принять «ангельский образ»; «не повеле ей царствовать, но повеле ей принята иноческий образ»; «патриарх же тут стояше, и власти, и все бояре».

Тем не менее Иов поддержал Годунова, распорядившегося присягать Ирине Федоровне, а боярин И. В. Годунов принимал присягу. По стране спешно рассылались грамоты, обязывающие подданных хранить верность православной вере, патриарху Иову, царице Ирине, Борису Годунову и даже детям Бориса! Кое-кто в Москве уже к 12 января счел Бориса Федоровича царем, но в целом в столице вся эта затея вызвала мощное сопротивление, а в провинции многие отказывались присягать.

Если Годунова терпели как правителя и при жизни Федора Иоанновича официально именовали таковым, если имя царицы упоминалось в ряде грамот вместе с именем ее супруга, это еще не означало, что бояре согласны отдать царство худородному выскочке, а православные будут терпеть на троне женщину. «Матерая вдова», мать наследника, пользовалась определенными социальными правами и могла бы рассчитывать на некоторое место при троне сына. Но Ирина была бездетна, и уповать на ее утверждение на троне было невозможно. Иов и Борис Годунов это прекрасно понимали. Тем не менее они разыграли карту Ирины, рассчитывая использовать ее в будущем, когда борьба особо обострится. А пока, едва патриарх успел написать публицистическую «Повесть о честном житии», царицу пришлось удалить из эпицентра событий. 15 января 1598 г. Ирина Федоровна вышла из дворца к народу, который (по крайней мере в некоторой своей части) вызывал ее и кричал, чтобы она управляла страной. Организаторы сего «народного волеизъявления» понимали свою слабость, и царице пришлось заявить, «дабы избежать великого

несчастья и возмущения», что она желает исполнить «волю покойного царя и свое обещание о пострижении».

В тот же день Ирина Федоровна «оставя Российское царство Московское поехала с Москвы в Новодевичий монастырь», где приняла постриг под именем Александра. В сочинениях современников и научной литературе нет недостатка в самых разнообразных объяснениях ожесточенной борьбы 1598 г. и поведения царицы. Нам важно отметить лишь, что, выйдя из-под контроля кремлевских властолюбцев, Ирина не отказалась наотрез от власти, продолжала рассылать по стране грамоты царицы инокини Александры», а главное – заявила о передаче правления патриарху Иову!

Иов и так был главнейшим лицом в государстве, обязанным позаботиться о новом самодержце, и без его санкции решить вопрос о верховной власти было невозможно. Действуя еще и от имени Ирины, патриарх укрепил свою позицию. Именно он сыграл главную роль в утверждении на престоле выкормыша Ивана Грозного – Годунова – то есть ту роль, для которой его исподволь готовили, возвышали и украшали патриаршим облачением.

Сам Борис Федорович якобы по приказанию сестры скрылся в Новодевичьем монастыре – не только из боязни убиения (которое вполне могло ему угрожать), но избегая своего открытого свержения вышедшими из повиновения членами Боярской думы. Уже возродился слух, что именно правитель велел убить царевича Дмитрия, ходили речи, будто он извел и царя Федора. Главное же, большинство не поверило в завещание царства Ирине и прямо называло наследника престола: двоюродного брата царя, знатного красавца и щеголя, любезного и щедрого боярина Федора Никитича Романова.

Родственник царицы Анастасии, с которой связывали временное смягчение кровожадного нрава Ивана Грозного, выгодно отличался от сообщника тирана. Низкое происхождение Годунова контрастировало со знатностью Романова, имевшего множество родни и друзей в первых родах государства. Даже царь Федор Иоаннович, любивший шурина, по сведениям литовского оршанского старосты Андрея Сапеги, говорил Годунову перед [смертью](#): «Ты не можешь быть царем из-за своего низкого происхождения», – и указывал наследником Ф. Н. Романова, прося его пользоваться советами Бориса.

Сапега сообщал гетману Кристофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова, меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова, хотя на корону претендуют также знатнейший князь Ф. И. Мстиславский и бывший видный опричник Б.

Я. Бельский, вернувшийся в Москву «со множеством народа» из ссылки.

Дворянин–летописец из Москвы записал, что патриарх Иов просил Федора Иоанновича завещать царство Борису, но государь, умирая, назвал имя Ф. Н. Романова. Немецкий наемник Конрад Буссов считал, что за Годунова просила умирающего Федора Иоанновича царица Ирина, но тоже получила отказ в пользу Романовых. Нидерландский торговый резидент в Москве Исаак Масса был убежден, что перед смертью Федор «вручил корону и скипетр ближайшему родственнику своему, Федору Никитичу, передав ему управление царством», а капитан охраны Годунова Жак Маржерет утверждал, что в это время его хозяин вынужден был красться к власти «так скрытно, что никто, кроме самых дальновидных... не заметил этого».

В самом деле: патриарх Иов решительно пресек всякие действия по выбору государя до тех пор, пока не истечет срок 40–дневного траура по Федору Иоанновичу, убеждая всех в необходимости дожидаться, пока в Москву съедутся духовные чины, разбросанная по воеводствам знать и представители служилых сословий. Любопытно, что эту же идею созыва представительного Земского собора Маржерет замечает у Годунова. Литовские агенты питали надежду на то, что из–за выборов «будет жестокое кровопролитие», Западная Европа наполнилась самыми невероятными слухами: все хорошо представляли себе последствия династического кризиса.

Россия, по обыкновению, пошла своим путем. Боярская дума была парализована трауром, но [Церковь](#) не считала себя связанной сорокадневным сроком. Поминая почившего государя в Успенском соборе, патриарх Иов неутомимо напоминал народу о прекращении древней династии и ужасе безвластия, в который погружалась страна. В самом деле – правитель не выполнял своих функций (препоручив их Иову), приказы (центральные учреждения) работали с перебоями. С 20 января патриарх в окружении высшего духовенства, приказных людей и горожан стал совершать шествия в Новодевичий монастырь к царице–инокине Ирине–Александре, умоляя ее дать царя «на Московское государство».

Как только истекло время траура, дьяк и печатник В. Я. Щелкалов дважды произносил с Красного крыльца речи, убеждая народ, что присяга постриженной царице недействительна, что Борис Годунов не может исполнять обязанности правителя в то время, как готовятся выборы законного государя, что все должны целовать крест боярам, которые позаботятся о сохранении порядка и восстановлении

самодержавия. Бояре, по словам Щелкалова, ни за что не признают Бориса своим властелином.

Однако время было упущено. Немноголюдные поначалу патриаршие шествия в Новодевичий монастырь постепенно захватили изрядное количество народа, приобрели организованность. Иов умело использовал городскую сотенную организацию и влияние торгово-промышленных корпораций. Какая-то часть людей «средних и меньших», охваченная искусно нагнетаемым экстазом, кричала «нелепо с воплем многим... не в чин», но за порядком уже следили приставы, кое-где народ сгоняли из домов под угрозой штрафов, недостаточно восторженным приходилось притворно подвывать толпе и мазать щеки слюнями, изображая слезы.

Толпе не объявляли мотивов, по которым надо было просить Ирину-Александру «дать» на не принадлежавший ей престол Годунова. Но, неумолимо разжигая народные страсти, Иов успевал подумать и о письменном обосновании своего выбора. На другой день по истечении траура, 17 февраля, патриарх собрал у себя какое-то число церковных деятелей, изображающих освященный собор, и различных «представителей», будто бы участвующих в Земском соборе.

Им было зачитано подготовленное патриархом Соборное определение (или его черновик, впоследствии несколько доработанный) с обоснованием божественного права Собора «поставляти своему Отечеству пастыря», причем вовсе не обязательно от царского рода. Иов беззастенчиво утверждал, что еще Иван Грозный поручил Борису Годунову заботу о сыне Федоре, а после смерти Федора назначил его наследником царства. Также и Федор Иоаннович якобы завещал свое царство Годунову.

Таким образом, «выбор» Бориса Федоровича на царство, который якобы осуществляли собранные Иовом лица, был всего лишь исполнением воли законных монархов. Естественно, Соборное определение утверждало, что представители народа «едиными устами» воскричали, что Годунова в государи избрал сам Бог и благословили оба царя, Иван и Федор. Патриарх, как видим, не стеснялся содействиями в достижении своей цели, но его ограничивали объективные обстоятельства. Он так и не решился предъявить народу сфабрикованный документ об избрании Годунова на царство: слишком много противников Бориса в высших сферах могло удостоверить подложность подобного «волеизъявления масс».

Чем меньше фактов – тем труднее опровержение, справедливо заключил Иов. В ночь с 20 на 21 февраля 1598 г. патриарх повелел открыть церкви Москвы перед прихожанами. Усиленно нагнетались

страхи перед «безгосударием». Наутро духовенство во главе с Иовом вынесло из храмов наиболее почитаемые святыни и двинулось с ними к Новодевичьему монастырю.

При подготовке и проведении этого действия Иов показал себя искуснейшим мастером управления народным сознанием. Повторявшиеся раз за разом шествия в Новодевичий монастырь убеждали, что иного государя, кроме Бориса Федоровича, не может быть на Руси. Не случайно известный златоуст дьяк В. Я. Щелкалов не смог убедить толпу присягнуть боярам. «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу!» – кричали Щелкалову. Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, раздался новый крик: «Да здравствует Борис Федорович!»

Постоянные отказы царицы Ирины «дать» на престол Годунова, красноречивые отказы самого Бориса, клявшегося кровь пролить и голову сложить за [Церковь](#) и государство, до предела накалили обстановку в столице. Взвинченные многочасовой ночной службой, толпы народа с рыданием и горестными воплями повалили из московских церквей вслед за величайшей святыней Русской православной церкви: образом Богородицы–Путеводительницы (Одигитрии) Владимирской, по преданию написанном самим евангелистом Лукой.

Момент был выбран точно: 21 февраля праздновался день Богородицы Одигитрии, которой был посвящен Новодевичий монастырь. Народ должен был чувствовать, что свершающееся на земле связано с предустановлением небес. Шествие выступило из Москвы под непрерывный звон колоколов от «сорока сороков» столичных храмов; по мере приближения к цели эти звуки слились с торжественным звучанием колоколов обители Богородицы Одигитрии.

У врат монастыря образ Богородицы Владимирской, сопровождаемый патриархом и духовенством в белых одеяниях, встречен был образом Богородицы Смоленской, за которым вышел Годунов. «О милосердая царица! – с плачем вопиял правитель, падая перед образом ниц и омочая землю слезами. – Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными кресты и со множеством иных образов? Пречистая Богородица, помолись обо мне и помилуй мя!»

После поклонения другим главнейшим иконам Годунов громко спросил патриарха, почто тот «такой многотрудный подвиг сотворил?» «Не я этот подвиг сотворил, – со слезами отвечал Иов, – то Пречистая Богородица со своим предвечным Младенцем и великими чудотворцами возлюбила тя, изволила прийти и святую

волю Сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле Божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева Господня!!!»

Этими словами Иов выражал главный настрой тщательно подготовленного действия: волей небесных сил и всего народа Московского государства Борис Федорович обязан был принять царский престол, даже и не хотя того; отказ был немислим. Уже в народе ходили слухи, что патриарх с освященным собором порешили, буде Годунов станет упорствовать, отлучить его от Церкви, самим снять с себя святительские саны и запретить службу по всем храмам; «а мы называться боярами не станем», будто бы заявили бояре; «а мы откажемся биться с неприятелями», – роптало присутствовавшее в толпе дворянство, – «и в земле будет кровопролитие».

Пока нескончаемое шествие тянулось из столицы, Иов с духовенством отслужили торжественный молебен в главном монастырском храме. Обширная территория Новодевичьего монастыря была заполнена народом, многочисленные толпы не вместившихся в монастырь стояли за стенами, усеянными любопытными, которые извещали окрест стоявших о происходящем действе.

Впрочем, и находившиеся близ высокого западного крыла церковной паперти, куда вышел Годунов с сопровождавшими его главными просителями, не могли ничего слышать из-за рева толпы, на разные голоса умолявшей Бориса Федоровича принять трон.

Крик немного стихал, когда патриарх, архиереи и немногие бывшие с ними бояре, выразительно жестикулируя, обращались к правителю, и вновь сливался в громогласный вопль при очередном отказе Годунова. Наконец Борис Федорович, державший в руках вышитый платок для утирания пота, набросил его себе на шею, как бы показывая, что ему придется удавиться, если просьбы не прекратятся.

Вновь неистовый крик взметнулся над толпой, видевшей, как Годунов с патриархом скрываются в хоромах царицы Ирины–Александры. Это составляло важную часть сценария, согласно которому «дать» брата на царство должна была царица–инокиня. Некий смельчак якобы случайно смог взобраться к самому окну покоев, где совершалось действо, и громким криком оповещал народ о происходящем. В нужные моменты по примеру специально проинструктированных людей толпа бросалась на колени перед невидимой царицей, «единогласно вопия, да дастся ею поставитися царски брат ея во главу всем людям».

Большинству участников «прошения» и в самом деле стало казаться, что невозможно разойтись, не добившись согласия поданного

свыше государя занять российский престол. Когда страсти накалились до предела, рыдающая царица уступила патриарху: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутия чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания – даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем!»

Лишь затем довольно вздохавший и плакавший Борис Федорович сказал Иову (с которым в предшествующие дни провел несколько тайных совещаний): «Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, великой государыне, – обратился он к сестре, – что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было?»

«Против воли Божией кто может стоять», – заявила царица, исторгнув вопли ликования в толпе, которой переданы были ее слова. «Буди святая твоя воля, Господи!» – завершил свою роль Годунов. Но фарс еще не кончился. Патриарх Иов для начала пал на землю, воздавая благодарение Богу, затем приказал звонить во все колокола и во главе многолюдной свиты вышел из хором к народу, радостно плеща руками и провозглашая многолетие новому царю.

Стимулировав таким образом всеобщее ликование, патриарх тут же в монастыре отслужил торжественный молебен во здравие нового государя, приказав всем молиться за государя царя и великого князя Бориса Федоровича. Лишь когда жаркие эмоции толпы переплавились в умиление, Иов повел шествие назад, в столицу. Патриарху предстояли большие приготовления к торжественному возвращению Годунова в Москву.

26 февраля 1598 г. Иов во главе московского духовенства встречал Бориса Годунова у стен столицы. Специально отобранные «народные представители» подносили правителю хлеб–соль, некоторые принявшие сторону Годунова бояре и купцы по традиции чествовали нового государя драгоценными кубками и соболями. Хитроумный Борис Федорович не принимал даров, кроме хлеба и соли, зато милостиво звал всех к «царскому столу»: знать – во дворец, народ – на хмельные напитки и закуски, выставляемые на площади из казенных погребов.

В Успенском соборе патриарх Иов отслужил торжественную литургию, молясь о благоденствии царя Бориса Федоровича, и благословил его «на Московское царство всея Великия Росии» крестом. Затем Годунов молился в Архангельском соборе над гробами прежних великих государей, посетил Благовещенский собор и царские палаты, но не остался в них.

Судя по всему, Борис Федорович даже не пытался завершить свой торжественный въезд в столицу обещанным пиршеством. Царский дворец, в котором он издавна был хозяином, теперь угрожающе молчал. Государев двор не спешил склониться перед опричником, и собранные духовенством толпы черни не могли заменить уклонившихся от встречи Бориса Федоровича зажиточных москвичей. Годунов и его сторонники, среди приветственных криков и торжественного звона колоколов, чувствовали окружающую их пустоту. В безопасности Борис Федорович ощутил себя только на Патриаршем дворе, где долго наедине беседовал с Иовом. Союзники решили начать новый круг пропагандистской кампании. Объявив о болезни царицы-инокини, Годунов на [Великий пост](#) укрылся в Новодевичьем монастыре. Больше месяца он оставался там, лишь изредка появляясь в столице для участия в боярских советах по не терпевшим отлагательства делам. Зато не дремал патриарх Иов.

На второй неделе поста, 9 марта, патриарх собрал освященный собор и своих сторонников в Боярской думе, призвав всех молить Бога, «чтоб благочестивого великого государя царя нашего Бориса Федоровича сподобил облечься в порфиру царскую». День 21 февраля, когда Годунов дал согласие венчаться на царство, Иов предложил объявить ежегодным праздником, отмечаемым крестным ходом в Новодевичий монастырь. Собравшиеся обещали за воцарение Бориса «молиться Богу... непрестанно, день и ночь».

К середине марта патриарх доработал Соборное определение об избрании Бориса Федоровича на царство 17 февраля по «завещанию» Ивана Грозного и Федора Иоанновича, но от распространения столь очевидной лжи пока воздерживался. В Богомольной грамоте от 15 марта, разосланной Иовом по всем епархиям и крупным монастырям, о «выборах» 17 февраля даже не упоминалось!

Посланцы Иова несли по стране вести о том, как после смерти Федора Иоанновича патриарх с освященным собором, «весь царский сигклит и всенародное множество всего Росийскаго царства» не смогли упросить царицу Ирину, чтобы она «царство свое правила». Затем в Богомольной грамоте подробно рассказывалось о шествиях в Новодевичий монастырь к Ирине и Борису Годунову, о конечном успехе просителей 21 февраля и о благословении Бориса Федоровича на царство в Успенском соборе 26 февраля.

О том, что Годунов вынужден был вновь покинуть столицу, грамота умалчивала. Иов старался убедить россиян, что Борис Федорович уже утвердился на престоле. Богомольная грамота была для этого мощным средством. Она повелевала провести во всех храмах, в городах, селах и монастырях трехдневные молебны со звоном

колоколов в честь нового царя и впредь неукоснительно поминать Бориса Федоровича в молитвах как самодержца. Молиться следовало также о его сестре, жене, «благоверной царице и великой княгине Марье», о сыне, «царевиче» Федоре, и дочери, «царевне» Ксении.

Гонцы Иова наводнили страну. Они везли списки патриаршей грамоты по епархиям. Размноженные на дворах епархиальных архиереев и в канцеляриях крупных монастырей, списки доставлялись в каждый город, монастырь, церковный приход. Священники обязывались неукоснительно следовать распоряжению патриарха, подкрепленному местными церковными властями.

Звон колоколов и молитвенное пение духовенства в честь царя Бориса Федоровича были не пустым звуком. Они убеждали народ целовать крест Годунову: чиновники Государева двора с крестоцеловальными грамотами ехали по России вслед за посланцами патриарха. Присяга Борису Федоровичу шла в провинции медленно, но верно; сложнее было в столице.

Неутомимый Иов организовал еще одно торжественное шествие в Новодевичий монастырь. Патриарх с архиереями и верными Годунову боярами молили Бориса вернуться в Москву и сесть «на своем государстве». На глазах у толпы просители пали на колени перед правителем и «лица на землю положиша». В ответ лукавый царедворец, обливаясь слезами, вновь отказался от трона.

Эта «неожиданность», потрясая непосвященных, была предусмотрена программой. Даже Иов при всей его настойчивости не решался короновать Бориса Федоровича без боярского приговора. Дума упорно сопротивлялась возведению на московский престол бывшего опричника. Тогда патриарх задумал опереться на указ царицы-инокини.

Отказ Годунова позволил Иову и сопровождавшим его лицам обратиться за помощью к сестре правителя. Та без промедления «повелела» брату ехать в Москву и принять царский венец: «Приспе время облещися тебе в порфиру царскую!» Операция была проведена успешно. 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, Борис Федорович выехал в столицу.

Иов вновь встретил Годунова крестным ходом и во время торжественной литургии в Успенском соборе возложил на него крест Петра чудотворца, что рассматривалось как «начало царского государева венчания». Держа за руки сына Федора и дочь Ксению, Борис Федорович вновь обошел кремлевские соборы. На этот раз он «сяде на царском своем престоле» и задал обещанный пир. 16 апреля, по окончании Пасхального поста, Иов благословил Годунова снять траурные («жалосные») одежды и облещися в царские «златокованные».

Однако и в этот момент правитель и патриарх не были уверены в успешном захвате трона. Коронация откладывалась. А в Москву поступали все более и более устрашающие вести о нашествии крымского хана Казы–Гирея, сопровождаемого турецким янычарским корпусом. Вести оказались очень кстати. Бояре объединились против Годунова под руководством опытного опричника князя Богдана Бельского, собравшего вокруг себя множество вооруженных людей.

Забыв на время распри, Бельский, Федор Никитич Романов с братом, князь Федор Иванович Мстиславский и другие царедворцы выдвинули против Годунова кандидатуру Симеона Бекбулатовича – крещеного татарского хана, возведенного некогда Иваном Грозным на московский трон, затем на великокняжеский престол в Твери и сосланного Годуновым в деревенскую глушь. Множившиеся вести о нашествии Крымской орды помогли Борису сорвать боярский замысел. Как сообщал оршанский староста Андрей Сапега литовскому гетману Кристофу Радзивиллу, Годунов заявил боярам: «Симеон живет далеко, в Сибири... смотрите, чтобы вы царства не погубили!» Как бы то ни было, следовало назначать воевод в полки, не дожидаясь приезда Симеона; уехать, оставив в Москве Годунова, его знатные противники боялись; договориться, кому, кроме Бориса Федоровича, поручить главное командование, они не смогли, не доверяя друг другу.

Годунов сам согласился стать командующим и уехать из Москвы в поход против Казы–Гирея. Бояре вручили ему командование, надеясь, возможно, выиграть время и в отсутствие Годунова утвердить на престоле своего ставленника. Но когда Борис Федорович предложил знатнейшим членам Думы принять командные должности в собранном против хана огромном дворянском войске, те оказались в западне: отказ мог повлечь за собой обвинение в измене, а что еще хуже – проигрыш в местничестве!

История «торжества без подвига», как назвал Серпуховской поход 1598 г. [С. М. Соловьев](#), хорошо известна. С 11 мая по 30 июня несметная армия во главе с Годуновым простояла лагерем под Серпуховом, получая от правителя «жалованье и милость великую»; многие тысячи воинов ежедневно обедали у командующего. Бояре, подчинившиеся Годунову формально, заняв посты под его командованием, убедились, что «чаявшие и впредь себе от него такого же жалования» ратные люди на стороне Бориса; их сопротивление было сломлено.

Подводил Годунова только крымский хан: вместо воинства Казы–Гирей, и не думавший выступить из Крыма, прислал послов с поздравлением новому государю и подарками! Конечно, в связи с приездом послов была устроена внушительная воинская демонстрация и пушечная пальба, но слухи, будто Борис Федорович заранее

сговорился с ханом, следовало пресечь. Особенно необходимо это было в Москве; здесь Годунову вновь понадобился Иов.

Распространение вестей с помощью официальной переписки не было изобретением правителя и патриарха, но Иов вложил в свои послания Годунову, читавшиеся также по московским церквам, необычайный пыл и изрядное красноречие. 2 июня патриарх от своего имени, от освященного собора и всего монашества составил грамоту «славою и честью венчанному, благоверному и христоробивому, благородному и Богом избранному, Богом утвержденному, в благочестии всея вселенная в концех возсиявшему, наипаче же во царех пресветлейшему, преславному и высочайшему, и непорочныя православный христианския веры крепкому и непреклонному истинному поборнику и правителю, сыну святыя Церкви и нашего смирения, великому государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии самодержцу»¹⁴.

Первым делом Иов объявил, о чем написал ему Годунов в грамоте, пришедшей в столицу 29 мая: что в поход Борис Федорович отправился «советовав со мною, богомольцем своим, и со всем вселенским освященным собором» (а не с Боярской думой!); что в ставку постоянно приходят вести о собрании в Крыму многочисленных воинских сил; что «государь» готов крепко стоять за церкви и христиан против хана и просит молиться о даровании ему победы.

Поблагодарив Годунова за послание, Иов подробно перечислил, за что он молит Бога, и объявил, что идет война за самую «православную хрестыянскую веру, еже в поднебесней якоже солнце сияет... на ню же свирепствует гордый он змий, вселукавый враг **ДЬЯВОЛ**, и воздвизает на ню лютую брань лукавым своим сосудом – безбожным царем и его пособники поганых язык» (то есть из нехристианских народов).

Красноречиво живописав, сколь могучая помощь небесных сил способствует победе Годунова над Крымской ордой, Иов уподобил его Моисею, Иисусу Навину и иным библейским героям, избранным Богом для освобождения Израиля: «Тебя же да подаст Господь свободителя нам, новому Израилю, христоимянитым людем, от сего окаянного и прегордаго хвалящагося на ны поганого Казы–Гирея царя!»

Рефреном в грамоте Иова звучит утверждение, что Годунов Богом поставлен на российский престол: «Богом утвержденный царю... Тако глаголет Господь: Аз воздвигох тя царя правды... Се твердое, и честное, и крепкое царство даст Господь Бог в руке твои, Богом утвержденный владыко, и сыновом сынов твоих в род и род и во веки...»

Опережая события, Иов пишет, что радуется и веселится, «слышаще доблести твоя и крепость, Богом данную ти победу». Патриарх славит мужество и храбрость войска и обещает спасение душ всех ратоборцев,

которым случится погибнуть за веру и народ христианский. В конце патриарх отмечает, между прочим, «царское остроумие» и «богоданную премудрость» Годунова, как бы невзначай связывая его с библейскими текстами, обещавшими отмеченным Премудростью Божией лицам власть над земными владыками.

В свою очередь, «царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси» писал патриарху Иову как «твердому столпу православия, источнику неоскудну духовных учений, ревнителю благочестия, пастырю недремательну церковному благолепию, архиерею Богодухновенному, в духовных подвизех вышеестественному, от Бога препрославлену»¹⁵.

Согласно царской грамоте, патриарх должен был распространить в Москве сведения, будто Казы–Гирей собирался послать на Русь передовой отряд «резвых людей 20 000», «а самому бы оплоша нас тою войною... итти со всем собранием на наши украины и к Москве прямо!». Однако услышав про своевременно собранные Годуновым войска, хан устранился и прислал мирное посольство.

Получив это известие, Иов отправил под Серпухов архиепископа Смоленского и Брянского Феодосия с грамотой Годунову, в которой «многие похвальные слова писал». В ответ 30 июня Борис Федорович еще пуще похвалил патриарха, не забыв и себя¹⁶. Он хотел, чтобы в столице было известно, что крымский хан желает быть в дружбе именно с ним – царем, с которым стремятся быть «в дружбе и любви» «все великие государи», включая германского императора, персидского шаха, королей Испании и Франции.

Годунов желал, чтобы в Москве ему была устроена воистину царская встреча, и Иов ее организовал. Помимо прочего, он сам произнес пламенную речь, приветствуя «победителя», который «потщался... от Бога данный... талант сугубо преумножити и показал еси великие труды и подвиги». Патриарх утверждал, что Бог помог Годунову, которого «крымский нечестивый царь Казы–Гирей со всеми своими злочестивыми агаряны убояся и устрашися зело».

Патриарх призвал собравшуюся на встречу государя знать и всенародство молиться о «благодарованиях» Бориса Федоровича, «еже подвиг свой велий сотворил еси и свободил еси род христианский от кровопролития и пленения безбожных агарян!» Затем, как гласит приписка к тексту речи Иова, он с архиереями и «всенародным множеством перед царем государем и великим князем Борисом Федоровичем всеа Руси самодержцем падают на землю, от радости сердечныя благодарные многия слезы изливают».

Встав, все радостно приветствуют Бориса Федоровича, хваля его дарования и «здравствуя» новоутвержденное «скифетросодержание»¹⁷.

Торжественная встреча 2 июля прошла вполне благополучно, однако Годунов все еще опасался открыто вступить на престол. Сразу после праздника он вновь скрылся в Новодевичьем монастыре, оставив свои дела в столице патриарху.

Иов должен был провести общую присягу государю, без которой Борис Федорович не решался короноваться. Честолюбивого опричника не устраивал составленный Иовом Чин венчания на царство, в котором все функции царедворцев берут на себя архиереи, а бояре не упоминаются вовсе¹⁸. Конечно, это был проект, подготовленный патриархом на крайний случай, и он не понадобился.

Июль и август 1598 г. прошли в напряженной работе патриаршей канцелярии и самого Иова, стремившихся узаконить восшествие Годунова на царский престол Рюриковичей. От московского первосвященника потребовалась не только политическая изворотливость, но и талант историка, которым Иов, впрочем, в полной мере обладал. Он прекрасно понимал значение своевременного письменного изложения событий под выгодным автору углом зрения, чтобы оставить о себе и своих союзниках «потребную и лепую память»¹⁹. Историки в последние десятилетия много спорили о летописании, которое велось при дворе патриарха Иова, продолжавшего традицию русских митрополитов. Хотя текст летописи Иосифа, келейника патриарха, восстанавливается по сохранившимся памятникам не вполне уверенно²⁰, ясно, что одной этой летописью работа приближенных Иова и его самого не ограничивалась. Однако при всей многоценности патриаршего летописания конца XVI – начала XVII в. главные достижения Иова и его помощников как историографов относятся к области документальных и публицистических сочинений. Именно здесь изложены ретроспективные взгляды и оценки, оказавшие самое сильное влияние на современников и потомков.

Мы уже видели, сколь устойчивыми оказались взгляды на учреждение патриаршества, выраженные в Сказании – историко-публицистическом сочинении патриаршей кафедры, убедились в значении других исторических высказываний Иова. А составлением нового документа Утвержденной грамоты об избрании царем Бориса Федоровича, он сумел настолько запутать историков, что они до сих пор пребывают в жарких спорах, когда, как, в связи с какими событиями она появилась, что в ней ложно, а что соответствует истине.

Именно такая неясность и требовалась Иову, ибо доказать законность восхождения Годунова на царский престол было нелегко. Еще в Соборном определении, составленном в марте и описывавшем события 17 февраля, патриарх утверждал, что помимо завещания царства Годунову Иваном Грозным и Федором Иоанновичем, тот был

избран на царство. Однако обнародовать эту версию Иов, как мы помним, не решился.

В последующие месяцы патриарх совершенствовал свою версию, одновременно добиваясь, чтобы под составлявшимся и пересоставлявшимся документом подписывались сначала явные сторонники Годунова (прежде всего члены подчиненного Иову освященного собора), а затем все большее и большее число лиц, изображающих «общее» мнение россиян.

Что же патриарх предлагал подписать? Знаток отечественной истории, прежде всего, рассказал, что «великих государей царей российских корень изыде от превысочайшего цесарского (императорского) престола и прекрасноцветущего и пресветлого корени Августа кесаря, обладающего вселенною». Именно от него, по преданию, происходил первый «князь великий Рюрик». Но во времена Иова от Рюрика вело происхождение множество княжеских родов.

Во избежание посторонних притязаний патриарх подробно проследил преемственность «потомков Августа» на великокняжеском престоле, умело сгладив противоречия, связанные с перипетиями многовековой борьбы за власть, и подчеркнув заслуги избранных лиц вплоть до Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Возможные претензии Рюриковичей заставили Иова со всей определенностью подчеркнуть, что их великокняжеский «корень» пресекался со смертью бездетного Федора.

«И [грех](#) ради наших, – констатировал патриарх, – всего православнаго христианства Российскаго царьствія, – Господь Бог праведным своим судом превысочайшаго и преславнаго корени Августа кесаря римскаго прекрасноцветущую и пресветлую ветвь в наследие великаго Российскаго царьствія не произведе». Царь Федор Иоаннович имел только одного ребенка – дочь Феодосию, скончавшуюся раньше отца.

После себя, утверждал патриарх, последний царь Августова корня оставил на престоле жену, царицу Ирину. «А душу свою праведную приказал отцу своему и богомольцу святейшему Иеву патриарху Московскому и всеа Руси, и шурина своему царьскому, а великие государыни нашей брату, государю Борису Федоровичю». То есть душеприказчиками Федора стали Иов и Годунов – как это и вышло в действительности, хотя и не по воле почившего царя.

Далее Иов от имени духовенства и всех россиян предлагает, чтобы Ирина «была на государстве», «а правити велела брату своему». Патриарх подробно описывает, как после отказа Ирины от престола опять же «все православное крестьянство Российскаго царьства» во главе с ним самим просило Бориса Годунова принять трон.

«Великий государь Борис Федорович! – якобы обращались к правителю. – Тебе единого предъизбра Бог и соблюде до нынешняго времени и остави истиннаго правителя Российскому государству, христианского поборника, святым Божиим церквам теплого заступника, царьского корени по сочетанию законнаго брака благорасленный цвет, государев шурин и ближней приятель!»

Патриарх понимал, конечно, что от повторения уверений, будто Годунов остался единственным претендентом на престол, права потомка татарского мурзы и опричника не возрастут. И он решительно обрубае родословные притязания, доказывая, что занятие престола – дело Божие (и открывая дорогу тьмочисленным претендентам на трон в грядущей гражданской войне).

«Жребий убо Божий царское величество: на него же возложит Бог – на том и совершится!» От земных прав, выходит, преемственность престола не зависит: «Глас народа – глас Божий» (то есть кого хотим – того и поставим). Мысль смелая, оказавшая влияние на политическую концепцию участников Смуты. Мысль не новая, ибо и при царекровопийце насаждались представления о монархе, опирающемся на единодушную поддержку Святорусской земли. Но как и многое, что измыслил Иов, мысль эта пророчила гражданское смертоубийство.

Утвержденная грамота подробно описывает перипетии выдвижения Бориса Федоровича на престол 17 февраля, подчеркивая, что уже тогда все единогласно порешили «неотложно бити челом государю Борису Федоровичю, а опричь государя Бориса Федоровича на государство никого не искати!».

Однако доказательства «прав» Годунова по сравнению с мартовским Соборным определением изменены. «Завещания» Ивана и Федора исчезли: Грозный лишь поручает Борису заботиться о своем наследнике с супругой и «соблюдати их от всяких зол»; Федор Иоаннович не говорит и этого, а лишь награждает Годунова за великие государственные заслуги, подробно описанные Иовом.

По Утвержденной грамоте оказывается, что 18 февраля избиратели клялись в Успенском соборе в верности Годунову, причем упорно повторяли, что не желают ему «лиха», а о всяком «изменнике» будут доносить патриарху. Мотив борьбы с «изменой» царю, еще не севшему на престол, разработан столь подробно, что страхи Годунова, укрывавшегося в это время в Новодевичьем монастыре, приобретают реальные очертания.

Иов не пожалел красок, чтобы описать знакомые нам события «умоления» Годунова, особенно шествия в Новодевичий монастырь 21 февраля и торжественной встречи Бориса Федоровича в Москве 26 февраля. Мысль о составлении Утвержденной грамоты он относит к 9

марта, а нарушителям ее положений грозит церковным отлучением и «мстью» по царским законам.

Исследователи выяснили многие трудности, которые патриарху пришлось преодолеть, чтобы заставить людей подписаться под такой версией событий. Подальше от подобного документа следовало держать даже некоторых самостоятельно мыслящих церковных деятелей, например известного твердым характером митрополита Казанского и Астраханского Гермогена. Были и технические сложности: так, патриаршей канцелярии весьма долго не удавалось получить списки членов Государева двора, чтобы составить правдоподобный список участников «выборов».

Не менее сложно было удовлетворить Годунова, соглашавшегося венчаться на царство только при убедительном доказательстве всеобщего признания его власти. В конце концов Иову и его сотрудникам пришлось отложить подготовленный вариант Утвержденной грамоты²¹ и изготовить новый²², еще раз развернув кампанию по сбору подписей. Теперь, после возвращения из «победоносного» похода, шансы правителя на престол значительно возросли – соответственно его «избрание» можно было приписать «всей Руской земле», Земскому собору представителей всех сословий. Именно Годунов, по словам Иова, потребовал избрания царя, когда «съедутся со всей земли Российскаго государства митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, еже на велицех соборех бывают... и весь царский сигклит всяких чинов, и царства Московскаго служивые и всякие люди».

Отныне в Утвержденной грамоте действует «вся Руская земля» в лице созванного в столице Собора, выражающего мысль духовенства, «а их, бояр, и дворян, и приказных, и служивых людей, и всего православного христианства всея Руския земли совет и хотение». Земский собор, разумеется, не собирался, хотя сбор подписей его «участников» под Утвержденной грамотой продолжался как минимум до февраля следующего, 1599 г.

1 сентября 1598 г. патриарх Иов возглавил еще одно, завершающее торжественное шествие в Новодевичий монастырь, чтобы пригласить Годунова на царский трон. Теперь правитель мог более уверенно согласиться на «моление» архиереев, бояр, гостей, приказных людей и «черных» жителей столицы. Утвержденная грамота засвидетельствовала его «право» на престол, а «всенародство» (и, главное, политические противники в Думе) приняли беспрецедентную присягу новому самодержцу.

Целовавшие крест на верность Борису Федоровичу под страхом церковного отлучения и гражданской казни обещали не наносить

никакого вреда царю, его жене и детям с помощью еды, платья и питья. Клялись не травить царскую семью «зельем лихим и кореньем», ни по собственной инициативе, ни по чужому поручению, ни через посредников. Клялись не обращаться к ведунам и колдуньям «на государское лихо». Несколько раз повторяли клятву не колдовать против царской семьи «по ветру» и в особенности не вынимать следов (был такой способ наведения порчи). Несколько раз клялись доносить на колдующих против Бориса и его семьи...

Отдельно клялись не только «не хотеть» на царство Симеона Бекбулатовича или его детей, но также «не думать, не мыслить, не семьиться, не дружить, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом, не приказывать на всякое лихо ни которыми делами, ни которой хитростью», но старательно доносить на таких злодеев, невзирая на дружбу с оными.

Под угрозой лишиться благословения Иова и освященного собора обещали на кресте быть верными царской службе, а в особенности не бунтовать против Бориса Федоровича, его жены, детей, бояр и ближних людей, «скопом и заговором и всяким лихим умышлением не приходить, и не умышлять, и не убивать, и убивать никакого человека до смерти не велеть ни которыми делами, ни которой хитростью».

Клялись не просто не «отъезжать» за рубеж, но не отъезжать конкретно к султану турецкому, императору (Священной Римской империи германской нации), польскому королю Сигизмунду, королям испанскому, французскому, чешскому, датскому, венгерскому, шведскому, не бежать в Англию и «в иные ни в которые немцы», в Крым, в Ногайскую орду, «ни в иные ни в которые государства не отъехать и лиха мне и измены ни которых не учинить».

Клялись далее не переходить к неприятелю из полков, из походов, из городов, города не сдавать. Клялись в приказах и судах «делать всякие дела в правду», а также говорить правду царским чиновникам по самым разнообразным (перечисленным!) случаям. Целовали крест даже на том, чтобы «другу не дружить, а недругу не мстить и не затеять ни на кого ни которыми делами; по дружбе татей, и разбойников, и душегубцев, и всяких лихих людей не укрывать и добрыми людьми не называть», а добрых людей не обвинять клеветнически.

Присяга требовала, чтобы разбои и убийства не выдавались за грабеж (и наоборот), чтобы подданные не брали взяток ни в какой форме «ни которыми делами», зато доносили бы неукоснительно...²³. Так оценивал обстановку в стране патриарх, торжественно венчавший на царство Бориса Федоровича в Успенском соборе 3 сентября. Так мыслил и Годунов, повелевший целую неделю задавать пиры во многих палатах и на площади Кремля, а также и в других городах, выдать

тройное жалованье боярам, дворянам и дьякам, объявивший всеобщую амнистию и отмену смертной казни на пять лет, всячески демонстрировавший образ «добротного царя Бориса».

Праведным судом Божиим...

Разговор о патриархе Иове получился у нас пространньм, но это закономерно. В жизни и деятельности первого патриарха Московского и всея Руси выразились многие существенные черты и противоречия патриаршей власти в Российском православном самодержавном государстве. Мне часто кажется, что Иов обладал своеобразным пророческим даром, совершая поступки, ведущие к катастрофе, произнося слова, становившиеся со временем зловещими, отстаивая незримо обреченное на гибель.

Иов был первым российским патриархом из четырех, насильственно лишенных престола²⁴. Он покрыл Годунова в расследовании смерти царевича Дмитрия, но образ царевича восстал колоссальной тенью над Россией. Воздвигнутый Иовом трон Бориса Федоровича рассыпался в прах, погребая под своими обломками семью Годуновых. Все запрещенное в крестоцеловальной записи (присяге) новому царю было вскоре совершено, самые страшные опасения Иова сбылись, то, что он хотел спасти, – гибло, то, о чем он писал, – таинственно изменяло суть, воплощаясь в жизнь. Даже Григорий Отрепьев вышел на невероятную дорогу к славе и гибели со двора патриарха Иова!

Венчание Годунова на царство состоялось 1 сентября, в день, когда на Руси праздновали Новый год; царь и патриарх обменялись речами, причем Борис Федорович заметил: «и по Божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, святаейший патриарх... меня, Бориса». Речь Иова была образцом панегирика²⁵, а новый царь, принимая благословение, воскликнул: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!»²⁶

Но никакими усилиями Годунов не мог выполнить этого обещания, при всей своей энергии и прославленной Иовом премудрости он не в силах был остановить развитие Великого разорения и социального озлобления, толкавших Россию в страшную гражданскую войну. Трех неурожайных лет было достаточно, чтобы все усилия Бориса Федоровича пошли насмарку. Что значила политическая демагогия, будто царь день и ночь трудится, чтобы было «во всех землях хлебное изобиливание, житие немятежное и неповредимый покой у всех ровно», если по всей стране голод и смерть косили людей?!

В 1601–1603 г. «много людей с голоду умерло, а иные люди мертвечину ели и кошек, и люди людей ели; и много мертвых по путям

валялось и по улицам; и много сел позапустело; и много иных в разные грады разбрелись и на чужих странах померли...». Так записал очевидец тех страшных лет на полях рукописи²⁷. Тяжело было крестьянам, оброками наполнявшим царские, помещичьи и монастырские житницы и не имевшим своих запасов зерна, прикрепленным к земле закрепостительными указами Годунова. Еще страшнее голод был для горожан.

Борис Годунов незамедлительно, уже в ноябре 1601 г. узаконил меры против спекуляции хлебом в городах, установил твердые цены, позволил посадским общинам реквизировать закрома спекулянтов, бить их кнутом и сажать в тюрьму. Колоссальные деньги были выделены для раздачи малоимущим горожанам. Царь провел розыск хлебных запасов по всей стране и открыл для распродажи по твердым ценам царские житницы. Он даже нарушил свое обещание и казнил нескольких мошенников, портивших хлеб при выпечке. Принципиальный крепостник даже восстановил частично Юрьев день!²⁸

Все было всеу. Огромные запасы хлеба у архиереев и монастырей, помещиков и вотчинников из высшей знати, неразрывно связанных с системой оптовой торговли, не мог реквизировать даже царь. «Сам патриарх, – писал свидетель событий, – имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег»²⁹. Хлебные спекулянты сами перешли в наступление, установив форменную блокаду городов. Царский указ от 3 ноября 1601 г. прямо говорит о заставах, которыми перекупщики во многих местах перерезали дороги, чтобы «крестьян с хлебом на торг и на яр–манку для вольные дешевые продажи» не пропустить.³⁰

Москва, получившая самые большие дотации из казны деньгами и продовольствием, столица, в которой Годунов развернул щедро оплачиваемые общественные работы для малоимущих, вымирала вместе с прочими городами. За два года четыре месяца на трех московских кладбищах–скудельницах в братских могилах было похоронено 127 тысяч жертв голода. Говорили, что в то время вымерла «треть царства Московского».

Казалось, злой рок преследует патриарха Иова, превращая в проклятие для страны каждое его слово. Все происходило прямо противоположно тому, что было записано в присяге Годунову. Продолжался массовый исход населения за границы, не только к шведам, «в немцы» и Речь Посполитую, но даже в Крым к в Ногаи! С крестьянами и холопами бежали из страны, перебирались за Уральский хребет, уходили к казакам на дикие окраины разорившиеся дворяне, оголодавшие стрельцы, пушкари, горожане.

Как грозные тучи, собирались на границах государства те, кто не смирился с режимом, надеялся с оружием в руках отстаивать свои права. Пройдет еще немного времени, и вместе с интервентами выбитые из своей страны и социального уклада россияне хлынут обратно, сметая войска царя Бориса и неся на своих мечах кровавые отсветы гражданской войны.

В условиях кризиса не было уже речи о «правде» в судах и приказах, лжесвидетельства и клятвопреступления умножились неимоверно, правительственные чиновники не только не получали безусловной помощи, но и гибли от рук местного населения. Убийство, душегубство, разбой, грабеж, «скоп и заговор и всякое лихое умышление» стали повседневным, обыденным делом.

Осенью 1603 г. многочисленные отряды беглых холопов и других деклассированных элементов, собиравшиеся в лесах и буераках вдоль дорог, соединились в армию под предводительством Хлопка и двинулись на Москву. Напрасно Годунов посылал карательные отряды в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь, Ржеву, Белую и другие города и уезды: вскоре ему пришлось укреплять саму столицу.

В решающем сражении повстанцы, по словам «Нового летописца», «бишася, не щадя голов своих» и убили самого командующего царским войском И. Ф. Басманова. Тогда правительственные полки, «видя такую от них над собою погибель, что убиша у них разбойники воеводу, и начаша с ними битися, не жалеюще живота своего, и едва возмогаша их, окаянных, осилить, многих их побита: живи бо в руки не давахуся. А иных многих и живых поимаша, и тово же вора их старейшину Хлопка едва возмогаша жива взяти, что изнемог от многих ран. А иные уйдоша на украину (южные окраины. – А. Б.) и тамо их всех воров поимаша и всех велеша перевешать»³¹.

Это было первое сражение гражданской войны, еще невиданной на Руси; оно показало невероятную жестокость, кровопролитность и упорство предстоящей схватки. «Нас ожидает не крымская, а совсем иная война», говорили между собой опытные воеводы Петр Шереметев и Михаил Салтыков³². И действительно, татарские набеги не смогли принести и малой части того разорения, что учинили над своей страной ослепленные братоубийственной ненавистью россияне...

Нравственное разложение общества, которому ужасались современники Смуты, начиналось с самых «верхов». Царь Борис Федорович в повседневном своем поведении сходствовал с патриархом Иовом аскетизмом, воздержанностью, трезвостью, трудолюбием, ревностным соблюдением церковных уставов и правил благочиния. Так же, как для Иова драгоценны были монашеские обеты, для Годунова дороги были обязанности семейные. Однако у нежного

супруга и родителя было и другое, страшное лицо, обращенное к обществу.

Думал ли Иов, когда принимал присягу Годунову в Успенском соборе, что назойливо повторявшиеся клятвы не покушаться на царское семейство колдовством вскоре обернутся ведовскими процессами? Что за многократно прославленной патриархом мудростью правителя кроется маниакальный страх, впитанный в опричном окружении Ивана Грозного? Что православное благочестие самодержца сочетается с жалким и греховным суеверием, поставленным, впрочем, на службу политическим целям?

Доброжелатели Иова впоследствии старались отделить его от Годунова, показать нравственные страдания архиерея, бессильного повлиять на ход событий. Написанная после 1652 г. «История о первом патриархе»³³ сообщает, что «воцарился правитель Борис Федорович многим кознодейством», как будто Иов к сим козням был непричастен. «История» также обвиняет Годунова в злодейском убийстве царевича Дмитрия и пожарах, устроенных в Москве и других городах в 1591 г., когда в огне погибло множество церквей и монастырей, священников, монахов и монахинь, не ведая или «забывая», что именно с помощью Иова правитель был тогда обелен от подозрений.

Но даже учитывая, что автор «Истории» явно склонен выдавать желаемое за действительное, мы не можем отрицать его утверждение, будто патриарх видел, что творит царь Борис Федорович, а о иных делах догадывался, ибо многие жаловались ему и взывали: «Что, отец святой, новотворимое это видишь, а молчишь?» Ведь под властью Годунова доносительство и клевета расцвели до такой степени, что всюду плач был «господам» от страха перед своими холопами, «и многие дома запустили от злого того нестроения, и многие от великих вельмож лютыми и тяжкими бедами и скорбями погибли».

Действительно, обязательство доносить было единственным пунктом утвержденной Иовом присяги царю Борису, который не был нарушен, но, напротив, свято соблюдался. Доносчики пользовались особым покровительством государя, публично награждавшего их даже тогда, когда не склонен был давать ход обвинениям. Не видевшие иного способа избавиться от неволи холопы, объединяясь по несколько человек, обвиняли своих хозяев в умысле против государя, получая в награду свободу и часть имущества опальных.

Сам окруженный чародеями, чернокнижниками и ведуньями, бросавшийся от священников к юродивым и от молитв к гаданиям, царь Борис Федорович подозревал всех в склонности нарушить многочисленные пункты крестного целования, относящиеся к колдовству против царской семьи. По доносу слуг « в корень и в

ведовском деле» был обвинен боярин князь И. И. Шуйский. Несколько сот стрельцов ночью захватили и разорили двор Романовых, которые якобы «хотели царство достать ведовством и кореньем».

Разбирательство дела Романовых происходило в присутствии Иова, на патриаршем дворе, куда ретивые сыщики доставили целый мешок якобы волшебных злоотравных кореньев, обнаруженных на дворе обвиняемых. Московский первосвященник своим авторитетом укрепил и нелепое политическое обвинение, и колдовские суеверия доносчиков и судей.

Федор Никитич Романов (будущий патриарх Филарет) с женой Ксенией были пострижены в дальних монастырях; Александр, Михаил, Иван и Василий Никитичи Романовы с женами, детьми, тещами и свекровьями сосланы в жестокие ссылки. За ними последовали семьи князей Черкасских, Шестуновых, Репниных, Сицких, дворян Карповых, Пушкиных и др. В опалу попал князь Владимир Бахтеяров–Ростовский, был отстранен от дел канцлер В. Я. Щелкалов. Иов не мог не знать о всех этих осужденных и опальных.

В отношении высшей знати Годунов старался внешне соблюдать клятву никого не казнить смертью. Так, своего старого сообщника по опричнине и политического соперника Богдана Яковлевича Бельского он лишил имущества и чести, выставив к позорному столбу и выщипав по волоску бороду. Учитывая крайнюю неприязнь Бельского к иноземцам, царь поручил последнюю операцию шотландскому хирургу. Других врагов он «убирал» без лишнего шума, испытанным методом: их, как, например, Александра, Михаила и Василия Романовых, князя Бориса Черкасского, князя Ивана Сицкого с женой и других удавливали или другими способами изводили в ссылках и темницах.

Только иностранцы могли думать, что Борис Федорович с помощью Семена Годунова создал в стране сверхмощное тайное сыскное ведомство, так что к каждому москвитину было приставлено по несколько соглядатаев. Русским не нужно объяснять, что в действительности главным орудием репрессий всегда был донос. По свидетельству современников, зараза доноительства распространилась от дворцов до хижин, церквей и монастырей. Люди всех званий и сословий клеветали друг на друга, доносили дьячки, священники и монахи, жены доносили на мужей, дети – на отцов.

Что же делал патриарх Московский и всея Руси, видя паству свою уязвляемую еще и этим бичом, пораженную идущим с самых верхов нравственным пороком? Автор «Истории» отвечает на этот вопрос двойко. На жалобы знатных людей, имевших доступ к Иову, он не мог ничего ответить явно из страха перед Годуновым: «Быстр убо и

строптив сей царь Борис и не хотел видеть обличителя себе». Патриарх не мог ничего сделать, хотя «совесть сердца его как стрелами устреляна была»; он «изнеможе» и «ниву ту недобрую слезами обливал».

Относительно же того, что делалось «всюду», реакция патриарха выражалась более активно и зримо в молебнах и проповедях. «Святой же Иов патриарх, – писал автор «Истории», – все то лютое видя в земле Российской делающееся, день и ночь со слезами непрестанно в молитвах предстоял в церкви Божией и в келье своей непрестанно молебные пения с собором пел с плачем, и с великим рыданием, и со многими слезами. Так же и народ с плачем молил, дабы престали от всякого злого дела, особенно же от доводов и ябедничества. И были ему непрестанные слезы и плач непостижный».

Так ли это? Никаких других известий о выступлении Иова против государственной политики поощрения доноительства и ябедничества у нас нет. Более того, в Духовной грамоте, написанной в преисполненном бедствиями 1604 г., патриарх утверждает, что с воцарением Бориса Годунова всякие озлобления и клеветы, укоризны и рыдания, соболезнования и лютые напасти о человеческих бедах паствы совершенно оставили его!

Добившись воцарения Годунова, Иов, по его словам, освободился от печали, порадовался о государе и пребывал в благоденствии, поскольку тот «всячески меня преупокой». Мы знаем, что после 1598 г. патриарх действительно не заботился ни о чем, кроме аскетических подвигов и богослужения, не принимал меры даже против известных ему безобразий в церковной жизни. В завещании он только горячо благодарит Годунова, оказывавшего ему благодеяния еще с тех времен, когда Иов был Коломенским епископом.

Итак, Иов благоденствовал, когда его паства умирала от голода, когда в стране бушевала гражданская война, когда все пороки подняли голову. Симпатичный автор «Истории о первом патриархе», применяясь к простому человеческому чувству, думал, что Иов должен был плакать – а тот был, по его собственным словам, свободен от печали. Возможно ли, чтобы в Духовной грамоте патриарх был неискренним? Нет, его похвалы и благословения Годунову не были вызваны страхом, патриарх обращался к своему «Богом возлюбленному сыну» – самодержцу от всего сердца.

Обратите внимание, сколь обстоятельно публикуемая в этой книге Духовная грамота ограждает накопленные Иовом богатства патриаршего престола. Иов особо заботится, чтобы после его кончины власти не требовали отчета о доходах и расходах патриархии, которыми он ведал самолично. Он отлично знал, что Борис Федорович, еще

будучи правителем, сильно склонен был покуситься на церковные и монастырские имущества, источники доходов и привилегии.

Взойдя на престол, царь Борис в интересах развития городов конфисковывал и приписывал к тяглу, к облагаемой налогами «черной сотне» множество «белых» слобод, принадлежавших монастырям, епископам, митрополитам и даже самому патриарху. Однако он же в 1599 г. переписал на имя Иова жалованную грамоту царя Ивана митрополиту Афанасию, освобождающую всех чиновников, слуг и крестьян патриарха, все непосредственно подчиненные ему (ставропигиальные) монастыри от ведения светских властей во всех делах, кроме душегубства, а также от всех казенных податей³⁴.

Более того, в самом крупном городе России – в Москве – царь не тронул «белослободчиков» патриарха и духовенства, а во время страшного голода позволил Иову сохранять свои переполненные закрома. Пожалуй, даже Борис Годунов, который при всех своих согрешениях судорожно пытался помочь голодающим, выглядит в этом отношении человечнее архипастыря, спокойно ожидавшего, когда бешеные цены на зерно станут еще выше, чтобы максимально выиграть на спекуляции хлебом.

Удивительно ли, что благословения Иова обращались в проклятия, а то, что он любил, было обречено на разрушение?! В Духовной грамоте (завещании) он особо пожелал благоденствия царю Борису Федоровичу, «Богом избранному, благоверному и христоролюбивому и святым елеем помазанному о Святом Духе, превозлюбленному мне сыну и государю», затем его жене Марии, сыну Федору и дочери Ксении, надеясь на процветание их государства и поручая им заботу о вере, Церкви и патриаршей обители – Чудовом монастыре.

Не прошло и года, как Борис Годунов в великой скорби скончался (13 апреля 1605 г.). Вскоре его тело было выброшено из Архангельского собора, вдова и сын зверски убиты, а дочь Ксения стала наложницей Лжедмитрия I. Чудов монастырь, так же как тысячи других церквей и монастырей, был разграблен, над [православием](#) нависла угроза серьезного поражения в борьбе с католической реакцией.

Завещатель пережил тех, к кому обращал свое завещание, чтобы увидеть гибель накопленных богатств, унижение патриаршего престола, оскорбление православной веры – после этого ослепнуть в ссылке и умереть в неизвестности. Но прежде, чем потерять телесное зрение, Иов должен был убедиться, что ему давно уже изменило зрение духовное. Авантюрист, под именем царевича Дмитрия Ивановича, раздувший пламя гражданской войны, уничтоживший Годуновых и

свергнувший патриарха, взлелеял свои планы в кельях самого Иова, был возвышен им и представлен ко двору!

Патриарх до конца боролся за спасение династии Годуновых. Еще в 1604 г., когда тень царевича Дмитрия Ивановича только маячила за западной границей, патриаршая канцелярия поддержала Посольский приказ, собиравший обличительные материалы против самозванца³⁵. Власти отождествили Лжедмитрия с мелким галицким дворянином Григорием Отрепьевым, служившим боярам Романовым и укрывшимся от каких-то серьезных обвинений в монастыре.

Иов, не щадя себя, признал, что после скитаний по разным монастырям монах Григорий осел в Чудовом монастыре, резиденции патриарха. Правда, ничего удивительного здесь не было: Григорий жил под началом своего родного деда, старого чудовского монаха. Чудовский архимандрит Пафнутий вскоре отличил грамотного и толкового юношу, переведя его в свою келью и приставив к книжному делу. Именно Пафнутий произвел в дьяконы чернеца, сложившего «похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе».

Патриарх не стал задним числом винить Пафнутия, ибо сам заинтересовался обладавшим литературным даром писцом и взял его на свой двор. Григорий переписывал у Иова книги, знакомился с летописями и царскими чинами, составлял каноны святым, беседовал с много знающим патриархом и его келейником летописцем Иосифом. В отличие от Иосифа, Григорий бойко разбирался в деловых бумагах; Иов сделал его личным секретарем, брал на заседания освященного собора и Боярской думы. Монашек узнал в лицо и определил характер большинства архиереев и царских сановников.

Но Иов почувствовал, что Григорий не пришелся ко двору: слишком умен, слишком боек, колет глаз; под него начали копать и светские, и духовные; патриарх вскоре отослал парня от греха подальше обратно в Чудов монастырь. Возможно, его достали бы и там, но Григорий бежал. Через пару лет на Западе возникла фигура самозванца, затем власти сочли, что Лжедмитрий и Григорий – одно лицо. Не уберется Иов, не разглядел опасности – дал повод для обвинения себя перед Годуновым!

Пока самозванец сидел за границей, можно было попытаться убрать его без лишнего шума. Патриарх Иов с согласия царя Бориса написал послание киевскому воеводе князю Василию Острожскому, представителю фамилии, твердой в православии. Во имя веры Иов убеждал князя не верить монаху–расстриге, писал, что сам хорошо знал беглеца, заклинал показать себя достойным сыном Церкви, схватив самозванца и переправив его в Москву. Патриарший посланец Афанасий Пальчиков вернулся от князя без ответа, однако стало

известно, что власти великого княжества Литовского не оказали Лжедмитрию никакой поддержки.

Несмотря на наступление католической реакции, православное духовенство Речи Посполитой обладало значительным влиянием. Иов утвердил на освященном соборе и скрепил печатями грамоту к духовенству Польши и Литвы, увещающую воспрепятствовать готовящемуся кровопролитию. Патриарший гонец Андрей Бунаков был перехвачен на границе в Орше. В августе 1604 г. Лжедмитрий выступил в поход, а в октябре его маленький отряд пересек границу и скрылся в лесах.

Авантюрист должен был быть раздавлен со своим смехотворным войском, но как маленький камушек вызывает все сокрушающую лавину, так тень царевича Дмитрия, разрастаясь с невероятной скоростью в ядовитом тумане гражданского раздора, покрывала пространства России огнем и кровью братоубийственной войны, накатываясь на Москву.

Больной, изможденный в борьбе с тенью царевича царь Борис Федорович то в неистовстве обрушивался на окружающих, обвиняя всех в предательстве, то впадал в бесовские сношения с чернокнижниками. Он заставлял патриарха Иова и Василия Ивановича Шуйского, которые когда-то помогли ему унять шум вокруг смерти царевича Дмитрия, еще и еще раз выступать перед московским народом с уверениями, что царевич действительно мертв.

Иов и Шуйский, как скоморохи, должны были разыгрывать сцену, где один описывал, как погребал маленького Дмитрия, а другой живописал свою промашку с Григорием Отрепьевым. Не раз в толпе слышались слова: «Говорят они то поневоле, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить – если этого ему не говорить, так надобно царство оставить и о животе своем промышлять!»

Когда-то Иов утверждал, что глас народа – глас Божий. Он осмелился инсценировать этот Божий глас и твердил, что династия Рюриковичей кончилась. Теперь истинный глас народа утверждал противное, но патриарх не сдавался. В январе 1605 г. по стране стали расползаться списки его Богомольной грамоты, дававшей новый поворот идейному спору сражающихся сторон.

Иов по-прежнему доказывал, что царевич Дмитрий Иванович мертв и не воскреснет, что выдаваемый за него человек – самозванец, пригретый им, патриархом, и бежавший за границу монах Григорий Отрепьев, вор-расстрига, подкреплял эту версию свидетельствами. Но главное было не в этом. С первых же слов грамота объявляла поход Лжедмитрия нашествием врагов-иноплеменников и иноверцев на

Российское православное государство, провозглашала войну за независимость, войну за веру.

Богомольная грамота патриарха не заглушила глас народа, признавшего Дмитрия Ивановича чудом спасшимся законным наследником московского престола, не остановила победного шествия самозванца. Идеи Иова приобрели мощное звучание позже, когда ненависть к иноземцам и иноверцам вплелась в социальную и политическую борьбу внутри страны, придавая гражданской войне еще более страшный и кровавый облик и создавая в сознании россиян прочный образ врага.

Грамота патриарха Иова была талантливой, мастерски написанным публицистическим сочинением. Грех архипастыря, зовущего к крови, дополнялся греховностью использования во зло своего недюжинного литературного таланта. Оправданием Иову служит лишь его искренняя вера в Годуновых, власть которых должна была смирить россиян.

После смерти Бориса именно Иов энергично провел в Москве присягу юному царевичу Федору Борисовичу³⁶, организовал раздачу населению громадных казенных сумм на помин души Годунова; Боярская дума и освященный собор под его руководством приняли указ о всеобщей амнистии; ссыльные и опальные были возвращены в столицу и ко двору; укреплялся Кремль.

Однако царская армия уже разбегалась, Лжедмитрий беспрепятственно двигался к Москве, встречаемый бурным ликованием народа. Достаточно было посланцам его проникнуть в столицу 1 июня 1605 г., как москвичи присоединились к «законному государю». Переворот произошел без боя; царство Борисово и его семья исчезли в одночасье. Участь Иова была решена.

Наш выдающийся историк [Н. М. Карамзин](#) отводит Иову жалкую роль труса, желавшего переметнуться на сторону победителя, но отвергнутого Лжедмитрием: «Слабодушным участием в кознях Борисовых лишив себя доверенности народной, не имев мужества умереть за истину и за Феодора, онемев от страха и даже, как уверяют, вместе с другими святителями бив челом Самозванцу, надеялся ли Иов снискать в нем срамную милость? Но Лжедмитрий не верил его бесстыдству; не верил, чтобы он мог с видом благоговения возложить царский венец на своего беглого диакона – и для того послы Самозванцевы объявили народу московскому, что раб Годуновых не должен остаться первосвятителем. Свергнув царя, народ во дни беззакония не усомнился свергнуть и патриарха»³⁷.

Антипатию вдумчивого историка патриарх Иов вполне заслужил, но обвинения Карамзина ложны. Это Лжедмитрий I жаждал, чтобы и

Иов, как множество других архиереев, признал его законным государем, – кто бы тогда смог упрекнуть «царевича Дмитрия Ивановича» в самозванстве?! Поэтому в первых своих грамотах о вступлении на престол (от 6 и 11 июня 1605 г.) он утверждал: «Бог нам, великому государю, Московское государство поручил: Иев, патриарх Московский и всеа Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, и бояре... и всякие люди, узнав прирожденного государя своего царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси, в своих винах доби́ли челом», то есть повинились за прежнюю службу Годуновым³⁸.

Но Иов и не думал виниться, даже когда вся Москва покорилась Лжедмитрию и направила в стан самозванца приглашение вступить в присягнувшую ему столицу. Повинную грамоту повезли бояре, а не митрополиты и архиепископы, как требовал Лжедмитрий, – признак, что Иов еще держал в руках членов освященного собора. В результате 10 июня разгневанный самозванец уведомил москвичей, что войдет в столицу лишь тогда, когда его враги будут истреблены до последнего. В первую очередь толпа бросилась искать Иова.

О происшедшем согласно рассказывают сам патриарх и автор «Нового летописца». Иов ожидал убийц в Успенском соборе, привычно готовясь к совершению литургии. Толпа с оружием и дрекольем ворвалась в собор и в царские палаты, разламывая и рубя на куски позолоченные фигуры Христа, Богородицы и архангелов, приготовленные для украшения ковчега Господней плащаницы. Иова вытолкали из алтаря и, избивая, поволокли на Красную площадь, к Лобному месту.

Здесь произошла заминка. Соборные клирики, поначалу разбежавшиеся во все церковные двери, опомнились и подняли громкий крик, с плачем умоляя толпу образумиться и прекратить беснование. Бесчестившие и зверски избивавшие патриарха тоже завопили, «ругаясь без милости сурово и безчеловечно». Убийцы кричали, что терзают Иова за то, что он «наияснейшего царевича Димитрия расстригой называет!».

Огромная толпа заволновалась: одни стремились убить Иова, другие боялись такого согрешения; «и распрение было лютое в народе». Когда более сплоченные сторонники убийства начали одолевать, из Кремля донеслись крики: «Вельми богат Иов патриарх!» Это кричали сторожа, приставленные сторонниками Лжедмитрия охранять патриарший двор. Злодеи растерялись: то ли довершать свое дело, то ли спешить к грабежу, – и умеренная часть толпы получила преимущество.

С воплями: «Богат, богат Иов патриарх! Идем и разграбим имущества его!» – самые опасные злодеи бросились на патриарший двор, в скором времени разломав и разграбив все, что Иов накопил в келейной и домово́й казне. Тем временем агенты Лжедмитрия, столь ловко изменившие ситуацию, извлекли патриарха из толпы и отвели в Успенский собор. Самозванец не мог позволить себе начинать царствование с убийства московского первосвященника!

Он желал лишь низложения непокорного патриарха и удаления его с политической авансцены. Посланцы Лжедмитрия, объявив Иову, что его решено сослать «под начал», то есть в монастырское заточение, даже спросили, где он хочет оказаться. Патриарх, конечно, выбрал свое «обещание» – Старицкий Успенский монастырь, где он принимал пострижение и начинал карьеру и где хотел бы, по монашескому обычаю, закончить свои дни.

Процедура низведения с патриаршего престола прошла мирно. Иов сам снял с себя панагию – знак архиерейской власти и Положил к образу Богородицы Владимирской. Ему не мешали произнести слезную молитву и даже повторить обличение новой Власти. «Пока я 19 лет носил святительский сан, - говорил Иов перед иконой, - «сия православная христианская вера нерушима была, ныне же [грех](#) ради наших видим на сию православную христианскую веру находящую (веру) еретическую!».

После продолжительной [МОЛИТВЫ](#) низвергаемого патриарха с Иова сняли разодранное в толпе святительское платье и надели простую черную ризу, усадили в приготовленную телегу и без промедления отослали в Старицу под конвоем³⁹. Впрочем, заточение было не тяжким. Молодой, но уже прославившийся смирением Успенский архимандрит Дионисий, приняв от приставов указ Лжедмитрия содержать бывшего патриарха «в озлоблении скорбном», на славу угостил их и отпустил с честью. Сам же архимандрит и не думал подчиняться указу, представив Иову полную свободу и оказывая всяческое почтение.

Наличие у приставов указа Лжедмитрия еще раз подтверждает, что самозванец отнюдь не хотел допустить убийства патриарха, а суровость указа лишний раз свидетельствует о твердости позиций, которые занимал Иов. Свою неизменную верность Годуновым он еще раз подтвердил в 1607 г., когда уже отошел в небытие первый Лжедмитрий и пронеслась над Россией Крестьянская война Болотникова, на престоле сидел Василий Шуйский, а на горизонте маячили новые самозванцы.

Именно от известного верностью Иова народ, по замыслу Шуйского к патриарха Гермогена, должен был получить «прощение и

разрешение» за нарушение крестного целования Борису, его жене и детям. К чести Иова, он повторил публично все доводы, которые составлял когда-то в защиту самодержавия Годуновых. Исполнив в Москве эту трудную для больного старика миссию, бывший патриарх вернулся в родной монастырь и через четыре месяца тихо скончался.

«Праведным судом Божиим не стало святейшего Иова патриарха Московского и всея Руси лета 7115 (1607. – А. Б.) месяца июня в 19 день». Тело его было погребено у церкви Успения Пресвятой Богородицы близ западных дверей с правой стороны, отпевали митрополит Крутицкий Пафнутий и архиепископ Тверской Феокист. Над могилой архимандрит Дионисий воздвиг склеп в виде часовенки.

По словам Дионисия, Иов «не боялся никакого озлобления, ни глада, ни жажды, ни смерти». Забывший страх смерти патриарх стал началом многих бедствий преемников своих и паствы.

